

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ»**

Кафедра оперативно-разыскной деятельности

Психология терроризма

Учебное пособие

Составитель

Н.М. Кузнецова

**Орел
ОрЮИ МВД России
2008**

УДК 15:34
ББК 88.4
П86

Рецензенты:

- доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России А.Д. Сафронов;
- кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и возрастной психологии ОГУ И.А. Савенкова

П86 **Психология терроризма:** учебное пособие для курсантов и слушателей / Составитель Н.М. Кузнецова. Орел: ОрЮИ МВД России, 2008. 85 с.

В учебном пособии отражены общие характеристики личности террориста и террористических преступных групп, их структура и характер руководства, а также тактические и психологические основы переговоров с преступниками, методы и приемы ведения переговоров. Рекомендуются как вспомогательный материал для подготовки к занятиям по дисциплинам: «Психология в деятельности сотрудников ОВД», «Психология в деятельности сотрудников МОБ».

Учебное пособие обсуждено и одобрено на заседании кафедры ОРД, от «21» ноября 2007 г., протокол № 21

УДК 15:34
ББК 88.4

© ОрЮИ МВД России, 2008

Содержание

Введение	4
Раздел 1. Общие основы психологии террористического поведения	
1.1. Характеристика личности террориста и преступных групп.....	6
1.2. Структура террористической группы и характер ее руководства.....	16
1.3. Психологическая характеристика террориста-смертника	19
Раздел 2. Ведение переговоров с преступниками, захватывающих заложников	24
1. Тактические и психологические основы переговоров с преступниками.....	24
2. Характеристика позиционных переговоров и переговоров по существу.....	36
3. Переговоры «для прикрытия» (оперативная игра).....	41
4. Имитация переговоров.....	45
5. Методы и приемы ведения переговоров.....	47
Заключение	67
Приложение	70
Приложение № 1.	70
Приложение № 2.	75
Приложение № 3.	76
Приложение № 4	81
Литература	83

ВВЕДЕНИЕ

Психология терроризма – это раздел экстремальной психологии, сложная и своеобразная отрасль знаний.

В настоящее время существует недопонимание психологии терроризма как социально-философского–психологического явления. Ложной является установка, что терроризм возникает в бедных странах и если поднять уровень жизни, то это снизит уровень преступности, но не исключит опасности возникновения терроризма.

Терроризм возникает и развивается в результате взаимодействия многих факторов: исторических, этнопсихологических, политических и др.

Это явление имеет глубинные психологические истоки - *разрушение традиционного уклада жизни, ценностей, составляющих основу мироощущения человек.*

Возникновению и развитию терроризма способствуют также низкая правовая культура, политические ошибки и социальные просчеты, слабость государственного аппарата и в частности, коррумпированность чиновников, низкий профессионализм спецслужб.

В сознании традиционного человека бытовой уровень (этикет, гигиена, распорядок) наложен на мифологический уровень - устройство мира, происхождение человека. Создается мифологизированная повседневность, в которой благополучие обеспечено выполнением извечного кодекса правил поведения. Человек с трудом адаптируется в незнакомой, опасной (или субъективно воспринимаемой таковой) обстановке, возможно повышение его тревожности и, как следствие, агрессии.

Другими словами, *неспособность части населения психологически адаптироваться к переменам в обществе и возникновение у членов этой группы ощущения маргинальности, отверженности и являются благоприятной средой для терроризма.*

Это особенно важно понимать в России, в которой сосуществует многообразие этнических, религиозных и иных групп.

Войсковые операции не лучший способ борьбы с терроризмом. Успех антитеррористических операций определяется не только высоким профессионализмом, но и **психологической подготовленностью** соответствующих спецслужб.

Отраженные в учебном пособии основополагающие теоретические знания о психологических особенностях преступников-террористов, террористических преступных групп, а также описанные методы и приемы ведения переговоров с преступниками, захватывающих заложников, позволят курсантам и слушателям ориентироваться в разнообразных практических ситуациях, правильно применять полученные знания, опираясь на соответствующие правовые нормы.

РАЗДЕЛ 1. Общие основы психологии террористического поведения

1.1. Психологическая характеристика личности террориста и преступных групп.

Психология терроризма: основа для антитеррористической стратегии. Рациональная стратегия удержания индивидов от вступления в ряды террористов должна базироваться на понимании психологии терроризма, но пока не существует никакой основательной познавательной базы, касающейся этого сложного поведения.

Границы этого явления настолько размыты, что эксперты не могут договориться даже относительно определения терроризма, не говоря уже о его причинах. В то время как общественность полагает, что такие акты кровопролития могут быть лишь результатом душевных заболеваний, действий ненормальных фанатиков.

Однако, исследователям в области наук о поведении, стремящимся понять психологию индивидов, вовлеченных в это насильственное политическое поведение, не удалось выявить единое "террористическое сознание". Террористы не попадают в специфическую диагностико-психиатрическую категорию. Несмотря на то, что был установлен некоторый ряд от нормального типа до психопата, большая часть сравнительных исследований не обнаружила никакой явной *психологической ненормальности* в большинстве случаев (7).

В действительности большинство террористов следовало бы рассматривать как находящихся в пределах нормального. Тем не менее, индивиды *со специфической личностной предрасположенностью* становятся на путь терроризма.

Определим некоторые черты личности, свойственные террористам.

1. Общая черта многих из них - это **тенденция к экстернализации**, к поиску вовне источников личных проблем. Хотя эта черта и не является явно

параноидальной, имеет место сверхсосредоточенность на защите «Я» путем проекции.

2. Другие характерные черты - **постоянная оборонительная готовность**, чрезмерная поглощенность собой и незначительное внимание к чувствам других.

3. **Склонность к нарциссизму** и связанные с ним травмы, которые ведут к недостаточному *чувству самоуважения и неадекватной интеграции личности*. Террористы обнаруживают черты расщепления, характерные для индивидов с пограничной личностью. Они отщепляют низкооцениваемые части самих себя и проецируют их на других, которые по их мнению, являются угрозой для их агрессивности (13, 17).

Индивиды, вошедшие в террористические группы, рекрутируются из всех профессий, из всех слоев общества. Они представляют самые разнообразные культуры и национальности и поддерживают широкий спектр идеологических направлений.

Генезис формирования личности террориста диаметрально противоположен нормальному сценарию социализации человека, где вершиной жизни («акме») является самореализация в творческом созидательном процессе (искусство, медицина, архитектура, педагогика и т.п.).

Для террориста главной целью является разрушение созданного другими людьми, массовая гибель людей, которая сопровождается массовой эмоцией ужаса.

Для личности террориста характерно **негативное мироощущение**, которое возникает под воздействием ряда факторов.

В первую очередь к ним относится *несоответствие образа идеальной модели мира и самого себя в реальной действительности с возможностями самореализации*.

Это противоречие с идеалом трансформируется в субъективное ощущение личной и социальной неадекватности, в результате чего для личности террориста характерна позиция «Я хороший, мир плохой», которая

становится средством моральной самозащиты, позволяющей оправдать любые деструктивные действия.

Таким образом, деятельность террористов принимает характер деструктивной самореализации. При этом через отрицание зарождается новая умозрительная концепция уверенности в своей правоте, которая сводит к минимуму возможности позитивного воздействия на террористическую группу и отдельного террориста.

Эмоции, возникающие в этом процессе у террориста, как правило, агрессивны и стеничны, без угрозы депрессии. На этой почве возникают деструктивные культы, как система мировоззрения и мироощущения. В основе их детерминации лежат этнопсихологические противоречия, связанные с несовместимостью различных этносов.

Ядро деструктивных культов составляют, как правило, искренние фанатики, готовые идти на смерть ради своих убеждений и, таким образом, их участие в террористической деятельности является способом парадоксальной адаптации к реальной социальной действительности. (17).

Сравнительные исследования психологии терроризма показывают, что не существует единого террористического сознания.

Общий момент у различных террористических групп - *сильная потребность маргинальных, отчужденных индивидов в присоединении к группе единомышленников со сходным мироощущением, согласно которому "мы против них, а они причина наших проблем"*.

Сильная потребность в групповой принадлежности придает особую силу влиянию групповой динамики. Хотя идеология цементирует, объединяет группу и служит обоснованием ее акций, террористы не совершают теракты по идеологическим причинам. Улучшение положения с социальной справедливостью, которая, по их утверждениям, служит источником и обоснованием терроризма, не снижает притягательности терроризма для них по причине мощного влияния группы на ее членов.

Парадоксально, что политика ответного возмездия с целью сдерживания террористических актов может иметь противоположный эффект и укреплять целостный комплекс сознания террориста. Поскольку группа оказывается под угрозой, внешняя опасность имеет своим следствием уменьшение внутренних разногласий и объединение группы против внешнего врага. Выживание группы является делом первостепенной важности из-за чувства групповой идентичности, которую она обеспечивает.

В самостоятельной террористической ячейке активное возмездие может усиливать единство группы, для корпоративной террористической организации главными могут становиться вопросы организационного выживания. Ни террористическую группу, ни террористическую организацию невозможно принудить отказаться от терроризма, так как это означало бы для них потерю смысла существования.

Что касается террористических групп, поддерживаемых государством и управляемых извне, то здесь террористическая группа выступает, по существу, как военная группа под руководством центрального управляющего органа.

В этой ситуации вышеприведенные групповые и организационные причины менее значимы, так как объектом контртеррористической политики в данном случае является правительство поддерживающего государства. Поскольку выживание государства и национальные интересы - это первичные ценности, политика возмездия может, в краткосрочной перспективе, иметь сдерживающий эффект.

В долгосрочной же перспективе наиболее эффективной антитеррористической политикой является та, которая делает террористическую деятельность менее притягательной для потенциальных членов террористических групп, способствует уходу террористов из группы и уменьшает внешнюю поддержку.

Внутри обширного спектра террористических групп и их идеологий полезно разграничивать два основных типа, которые различаются поведенческой динамикой.

Полезно различать группы, занятые подрывом или *свержением своего правительства*, и группы, цель которых - *национальное самоутверждение*.

Для членов групп, входящих в первую категорию, для так называемых «анархо-идеологов», *цель группы - разрушить мир отцов*. Их акты терроризма - это акты возмездия за действительные и воображаемые обиды, акты, направленные против общества их родителей (3, 17).

С другой стороны, члены групп, входящих во вторую категорию, «националисты-сепаратисты», *осуществляют миссию отцов*, мстят обществу за обиду, нанесенную их родителям.

Таким образом, на символическом уровне, террористические акты "анархо-идеологов" - это акты протеста против родителей, лояльных к режиму, для "националистов-сепаратистов" - это акты лояльности к родителям, обиженным режимом...

Вступая в террористическую группу, ее член обычно значительно уменьшает круг своих прежних привязанностей. Это относится, прежде всего, к "анархо-идеологам". Их выбор носит более глубокий характер и требует полной вовлеченности.

Многие исследователи определяют это как "Der Sprung" ("Скачок"). Будучи скачком в нелегальное состояние, он представляет собой полный разрыв с обществом, так как требует подпольного существования.

С другой стороны, для "националистов-сепаратистов" вступление в группу - это своего рода обряд посвящения. Ее члены могут продолжать жить в своих семьях. Их принадлежность к группе обычно широко известна и они могут прославляться за героизм.

Несмотря на большое различие террористических групп и их целей, существует поразительное единообразие в террористическом поведении в том отношении, что террористы из различных групп **слепо привержены своему делу и готовы идти до конца, даже пожертвовать жизнью за это дело.**

Дело группы – идеология - имеет большое значение. Но "дело" не является главной психологической мотивацией вступления в террористическую

группу. Оно служит скорее логическим обоснованием, сознательно и открыто выражаемым мотивом.

Главный мотив вступления в террористическую группу носит гораздо более личностный характер и коренится в индивидах. Он коренится в **стремлении к укреплению личностной идентичности** и, что особенно важно, к принадлежности к группе.

Сравнительные исследования в области социальной психологии терроризма показывают, что как только люди вступают в террористическую группу, индивидуальные различия исчезают перед лицом мощных объединяющих сил, присущих групповой и организационной психологии.

Потребность в принадлежности к группе в сочетании с неполной личностной идентичностью благодаря группе уменьшает различия и обеспечивает основу для особенно сильной групповой динамики. Групповая психология дает объяснение единообразия поведения разных участников террористических групп.

Очевидно, что групповая динамика находится под сильным влиянием характера членов группы. И хотя не существует единственного типа индивида, становящегося на путь терроризма, то, что толкает человека к вступлению в группу, очевидно, оказывает влияние на ее функционирование.

Насущная потребность в принадлежности к группе и в достижении устойчивой идентичности имеет глубокие корни и связана с *обстоятельствами, имевшими место в период, предшествующий вступлению в террористическую группу.*

Исследования социального окружения террористов указывают на то, что, некоторые из них (около 25%) потеряли одного или обоих родителей в возрасте до 14 лет, треть из них подвергалась судебному преследованию, значительное число терпят неудачи в образовании и на работе (17,19).

Кроме этого для них характерна низкая самооценка, черты неадекватно интегрированной личности и склонность проецировать на общество причину своих неудач.

Жизнь будущих террористов, как правило, отличается социальной изоляцией и личными неудачами. Для этих одиноких, отчужденных индивидов, находящихся на обочине общества, террористическая группа является семьей, которой у них никогда не было.

Сильная потребность в принадлежности к группе - это черта, которая является общей для террористов во всем мире, какими бы различными ни были их идеологические цели.

В основе потребности в принадлежности к группе лежит неполная или раздробленная психосоциальная идентичность, так что единственное, благодаря чему индивид чувствует себя достаточно целостным, является связь с группой, принадлежность к группе становится важным компонентом самосознания ее члена.

Вступая в террористическую группу, ее член стремится стать зависимым от группы для эмоциональной поддержки. Движение извне внутрь террористической группы означает глубокое изменение стиля жизни. Для члена группы, особенно когда он совершил преступное деяние, группа становится защитой от опасности. Член группы нуждается в ней для защиты от враждебного внешнего мира.

Когда существование группы оказывается под угрозой, это увеличивает групповое единство, поскольку каждый индивид обнаруживает, что под угрозой находится его собственный источник безопасности. Когда член группы выражает сомнение в законности действий и самой группы, это глубоко разрушительно для группы. Потребность в отрицании сомнения ведет к извращенной логике. Борьба с чувством слабости вызывает иллюзорное ощущение силы, а боязнь поражения толкает к уверенности в успехе.

Групповые обсуждения стимулируют энергичную взаимную поддержку. Нуждаясь так сильно в групповой принадлежности, члены группы подавляют свои сомнения. Сомнение несовместимо с абсолютизмом. Единственный способ избавиться от сомнений - это избавиться от сомневающихся.

Сравнивая вышедших членов группы с вовлеченными, исследователи сделали вывод, что вышедшие колебались при вступлении, никогда целиком не преодолевали своих сомнений, все чаще задавались вопросами относительно провозглашаемых целей группы и относительно того, действительно ли действия группы служат этим целям.

То, что средний возраст террористов во всех группах равен 22,5 лет, косвенно подтверждает, что психологическая динамика юношеского и молодежного возраста способствует вступлению в группу, и что разрешение психологических конфликтов этого возрастного периода может быть связано с выходом из группы, которая больше не служит своей первоначальной цели.

Имеется в виду не то, что с возрастом приходит мудрость, речь идет о том, что существуют проблемы жизненного цикла, влияющие одновременно на индивидуальных террористов и террористические группы, с возрастом и опытом первоначальная идеализация может смениться разочарованием и цинизмом, влекущими за собой рост числа выходов из группы.

То, что отличает тех, кто выходит из группы, от тех, кто остается, связано со степенью, в которой они вовлечены в идеологию группы.

Язык террористов - это язык абсолютизма, черного и белого, безо всяких серых оттенков, без малейшего намека на неопределенность. Это риторика "нас" против "них", добра против зла, с идеализацией "нас" и проекцией на "них" всего, что плохо.

Мир разделен на два лагеря: врагов и друзей, и тот, кто полностью не с нами, тот против нас. В письменных высказываниях террористов, и в групповых обсуждениях существует тенденция к поляризации при идеализации собственной группы.

Источник всех проблем выносится вовне. Причины напряжений содержатся в обществе, общество - единственный серьезный патогенный фактор.

Идеализация своей группы это, в частности, идеализация ее братства и гармонии, внутригрупповые напряжения также проецируются на внешнего врага.

"Это не мы, это они" - таков лозунг неудачливой молодежи, находящейся на обочине общества и стремящейся найти внешнюю причину своих трудностей. Насколько привлекательно для такого молодого человека обнаружить, что он не один, что есть другие подобные ему и что в действительности существует целостная идеология, систематически доказывающая, что "они" ответственны за проблемы, от которых страдают он и его обделенные товарищи...

У индивидов с ущербной самооценкой и слабо выраженным «Я» в наибольшей степени существует тенденция к растворению в группе. С другой стороны, поскольку у индивидов с чертами психопатологии имеются недостатки в формировании «сверх-Я», для них, как ни для кого другого, групповое сознание становится хранилищем стандартов. Это важнейший момент, необходимый для понимания той степени насилия и жестокости, до которой могут доходить террористы.

Группа идеализируется и стандарты группы начинают господствовать, становясь нормой. То, что говорит группа, полностью соответствует «Я», то, чего требует группа, желаемо. В то же время стандарты мира за пределами группы становятся чуждыми для «Я».

Именно на этот мир члены группы проецируют свои импульсы ненависти и агрессии. Это тот мир, который должен быть разрушен.

Представление группы о том, что внешний враг намерен ее уничтожить, имеет под собой реальное основание, но группа редко признает собственную роль в провоцировании такой реакции общества.

Уверенность в том, что враг намерен ликвидировать группу, не просто параноидальное заблуждение. Если первоначально она может проистекать из внутренней психологической предрасположенности, то в результате террористических актов такая предрасположенность становится

самоосуществляющимся пророчеством, поскольку террористическая группа постепенно создает внешнюю среду, которая действительно хочет ее уничтожить.

У террориста существует смешение цели его деятельности и его исходной психологической предрасположенности. Его цель состоит в том, чтобы сокрушить врага, а общество действительно хочет сокрушить террориста (хотя террористическая группа постоянно игнорирует собственную роль в усилении враждебной реакции общества).

Для человека, ориентированного на действие, ненавидящего несовершенный мир, который он винит в своих неудачах, для параноидального индивида, ищущего "законный" выход своей агрессивности, террористическая группа представляет собой идеальную среду для осуществления своих намерений. Но поскольку террористы, вступая в группу, *привносят в нее свои личностные характеристики, те же личностные нарушения, которые приводят к их конфликту с обществом и изоляции от него, проявляются в группе.*

В атмосфере постоянных преследований, эти напряжения экстернизируются, проецируются вовне.

Такие группы нуждаются во врагах, чтобы справиться с собственными проблемами, а если подобных врагов не существует, их создают. Ведь если эти группы не могут действовать против внешнего врага, они будут бороться между собой.

Основной детерминантой террористических действий является **внутренняя динамика террористической группы**. Если эта группа не *совершает террористических актов, ее существование теряет смысл.*

Таким образом, террористическая группа нуждается в совершении актов терроризма с целью оправдания своего существования и поддержания внутренней сплоченности.

Резкий спад активности ведет к росту неудовлетворенности внутри группы. В этих обстоятельствах проницательный лидер, стремящийся

поддержать единство группы и сохранить собственное лидерство, будет побуждать группу к нападению на врага.

2. Структура террористической группы и характер ее руководства

Рассмотрим с точки зрения социальной психологии особенности террористических групп, включенных в организованные структуры.

Если групповую динамику в автономной ячейке относительно небольшой группы, которая сама планирует свои операции и руководит ими, где лидер физически присутствует в группе, постоянно в ней находится, доступен в качестве мишени для антиавторитарных чувств ее членов, достаточно проста, то групповая динамика террористических групп, отличающихся элементами большей организационной структуры, является достаточно сложной.

В таких группах *руководство воспринимается как сосредоточенное вне группы и каждый член группы склонен наделять это невидимое руководство абсолютной степенью мудрости и могущества.*

Кроме того, для дифференцированной террористической организации существует четкое отделение руководящего эшелона (лиц, принимающих решения) от кадрового состава, от рядовых.

Важно различать две разные структурные формы, характерные для террористических организаций: *горизонтальную и вертикальную.*

Многие небольшие террористические группы не имеют никакого внешнего источника. Они являются самодостаточными, автономными ячейками. Конфликты из-за лидерства, проявляются главным образом в этих горизонтально структурированных группах.

С другой стороны, большие террористические группы принимают структурные формы, во многом напоминающие любую большую организацию.

Формы террористических организаций различаются еще в одном важном отношении. В то время как некоторые из них заняты достижением

своих целей только посредством террористической тактики, для других террористическая организация - это нелегальное корпоративное образование, действующее параллельно с легальными образованиями, они составляют компоненты организации, занятой общим делом.

Для террористической организации точно так же как и для террористической группы, первостепенная цель - *это выживание*.

Основной принцип психологии организации, согласно которому ее выживание имеет главное значение, полностью применим к террористическим организациям.

Указанные особенности, касающиеся групповой психологии терроризма, позволяют сформулировать важный механизм взаимодействия между террористической группой и обществом.

Ответная карательная реакция общества при некоторых обстоятельствах является нерезультативной и способствует той самой деятельности, которой она призвана воспрепятствовать.

Такая ответная реакция как бы оправдывает и вновь подтверждает взгляды группы. Групповая сплоченность возрастает, а внутренние групповые напряжения снижаются благодаря внешней опасности.

Так парадоксальным образом репрессивность может в действительности усиливать группу и способствовать росту террористической активности (7).

Действия, призванные сдержать террористов, должны основываться на ясном понимании индивидуальной, групповой и организационной психологии терроризма. Определение характера руководства группы является главным в оценке результатов той или иной тактики.

В целом, можно сказать, что, чем более автономна террористическая группа, тем менее продуктивна репрессивная реакция. Она будет усиливать групповую сплоченность, преувеличивать значение группы, уменьшать внутренние разногласия и оправдывать ее мировоззрение.

Чем выше уровень руководства, вплоть до сложных корпоративных организаций и государств, поддерживающих терроризм, тем больше оснований для репрессивной тактики, которая в определенных, подлежащих тщательному рассмотрению условиях, бывает эффективной.

Контртеррористическая политика должна принимать во внимание природу группы и характер ее руководства. Репрессивная тактика может играть полезную роль как элемент этой политики (14).

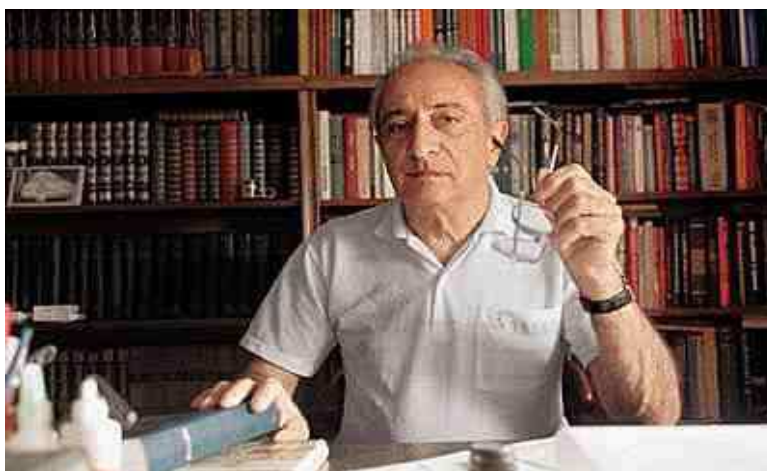
Но, с точки зрения динамики группы и организации, репрессивная тактика как первостепенный сдерживающий фактор может иметь парадоксальный эффект, усиливая групповую сплоченность и вызывая рост терроризма.

Таким образом, многосторонняя позитивная энергичная политика, основанная на понимании групповой, организационной и социальной психологии терроризма имеет наибольший шанс сдерживать его. Следует предусмотреть снижение привлекательности террористической деятельности для потенциальных ее участников, стимулирование отхода от терроризма членов группы, облегчение выхода из нее и уменьшение поддержки извне. В долгосрочной перспективе только позитивная и активная программа, базирующаяся на широкой и многообразной информационной основе, может успешно противостоять бурному натиску терроризма.

3. Психологическая характеристика террориста-смертника.

«Любовники смерти»

Весьма актуальным представляется психологический анализ личности и поведения террористов- смертников, которые последнее время поставили много вопросов перед правоохрательными системами разных стран, получили широкое отражение в средствах массовой информации и вызвали большой общественный резонанс.

Один из наиболее авторитетных экспертов в области изучения психологии терроризма является главный научный сотрудник ВНИИ МВД РФ, ведущий научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, автор книг "Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование", "Захват заложников", "Психология убийства" и еще более 200 научных работ профессор Юрий Антоян (4, 15, 17, 19 и др.).

В некоторых из своих работ он раскрывает психологический феномен террориста-смертника. Дадим психологическую характеристику этому феномену.

Существующее мнение о том, что *террорист-самоубийца - это или сумасшедший, или фанатик, или просто человек со склонностью к суициду не совсем оправдано.*

Выбор человеком такого способа самоутверждения зависит от места, которое занимает *смерть в его шкале ценностей*.

Например, «солдат, ему было всего 18 лет, когда он застрелил семерых однополчан». Из истории его развития выяснилось, что он интересовался смертью с тех пор, как начал себя осознавать. Писал рассказы, в которых присутствовала смерть, и посылал их в молодежную газету (12, 15).

Подобные некрофильские черты и определяют выбор смертельных вариантов самореализации. В конечном счете, этот способ является преодолением страха перед смертью.

Психология человека такова, что при появлении какого-то страха он не бежит от этого ощущения, а идет к нему, чтобы узнать его, овладеть им.

Эта особенность отмечается у убийц террористического характера. Они стремятся к смерти, своей или чужой. Склонность к суициду наличествует у 31,8 процента преступников, совершивших одно убийство, и у 61,9 процента лиц, осужденных за три и более убийства (15). Смерть притягивает их.

Одной из причин такого поведения - высокий *уровень тревожности*. В отличие от страха, вызываемого конкретной причиной, тревога - это ощущение неосознанного беспокойства с установкой на поиск причины.

Склонность к постоянному ощущению тревоги является обычно результатом психологической травмы, полученной в детстве. Ребенок не осознает собственной личности, не отделяет себя от окружающего мира и любое беспокойство распространяет на все, что его окружает.

Если при этом он не получает помощи в адаптации к новым условиям, то склонность к ощущению постоянной угрозы может закрепиться на всю жизнь. А агрессия - природный инструмент защиты. Самоубийство - та же агрессия, только направленная против самого себя, и ничего удивительного, что человек с высоким уровнем агрессивности готов убить и себя, и других.

Нередко в роли террористов-самоубийц используются подростки. Это время активной социализации ребенка и связанных с этим разочарований. Разочарования в сочетании с юношеским максимализмом,

когда неудача воспринимается как крах всего, могут толкнуть подростка к аутоагрессии - самоубийству.

В среде подростков высок и интерес к смерти, с чем связано, например, жестокое обращение с животными. Мучая и убивая животных, подростки пытаются осознать грань, отделяющую жизнь от смерти.

Террористы не составляют единой психопатологической группы. Среди них могут быть психически больные, а могут и не быть.

Отметим их отличительные черты психологического характера.

1. **Во-первых**, *отщепление от своей личности наименее ценных качеств и проекция их на других*. Человек негативно воспринимает какую-либо свою черту, и это его травмирует. Бессознательно стараясь избежать травмы, он награждает своим качеством других и ненавидит их за это.

2. **Во-вторых**, *постоянная готовность думать, что ему угрожает опасность, и отсюда готовность к защите путем нападения*.

3. **Мессианские настроения** - *вера в то, что он, возможно, даже в какой-то скромной роли, может быть спасителем*. Необязательно всего человечества – например, только своего народа.

4. Для них характерен также **нарциссизм**, особенно групповой, - *ощущение гордости за то, что он принадлежит к этой национальной, религиозной или какой-то иной группе*.

5. Еще одна черта - *стремление разделить мир на "черных" и "белых" и в чужих видеть только "черных"*.

6. Готовность использовать *любые средства для достижения своих целей*.

Факторы влияют на формирование террористических наклонностей.

Нарушение детско-родительских отношений. Все начинается со сверхжесткой связи с матерью. Мать - это не только женщина, которая вскормила, но и Великая Мать, воплощенная во множестве символов - в земле,

в роде, в партии. Пока ребенок мал, мать воспринимается им как могущественная защищающая и обеспечивающая сила.

Позже мать как личность часто замещается семьей, родом, соплеменниками. В дальнейшем размеры группы увеличиваются, тогда раса, религия или партия становятся "матерями" - гарантами защиты и любви.

Младенец находится с матерью в состоянии психологического симбиоза - единства, предшествующего формированию личного сознания ребенка. Если в этот период потребность ребенка в материнской любви и защите не удовлетворяется, то впоследствии такого человека обычно отличает повышенная тревожность, доходящая до страха смерти. Он неосознанно стремится вернуться к матери, потерять свою индивидуальность в единстве с ней и обеспечить себе, таким образом, безопасность.

Ненормальная симбиотическая связь с матерью активно стимулирует преступное поведение - такие люди неспособны на автономное существование, не в состоянии нести ответственность, принимать самостоятельные решения. Жесткая ориентация на образ Великой Матери, воплощенной в роде, расе или религии, столь же опасна, как и подобная связь с реальной матерью. Такой человек слеп и глух.

Солидарность у него вызовет только то, что считается ценным в сообществе, к которому он себя причисляет. Группировка политических или религиозных единомышленников, патриотов или националистов состоит из одиноких и психологически слабых людей, которые чувствуют себя защищенными только в обнимку с другими представителями группы.

Террористы-самоубийцы - это инфантильные личности, остановившиеся в психологическом развитии на рубеже пяти-семи лет, Подобная инфантильность опасна - неосознаваемая угроза остаться один на один с миром делает их агрессивными.

Ярким примером деструктивного поведения, вызванного жесткой ориентацией на архетип Великой Матери, являются действия чеченских

боевиков, несущие разрушение Чечне и гибель мирным чеченцам, так как целью является символ.

Внутри террористических сообществ активно пропагандируется образ героя-смертника - мученика, погибшего за святое дело.

Таким образом, для предотвращения формирования террористических склонностей у подрастающей молодежи, общество должно выработать правила противотеррористической гигиены, охватывающие все стороны жизни - область правоприменения, правила хозяйственной, финансовой деятельности, образование и воспитание. Необходимо учитывать процессы глобализации, способность террористических организаций действовать на территории многих государств.

РАЗДЕЛ 2. Ведение переговоров с преступниками.

Тема 1. Тактические и психологические основы переговоров с преступниками

Ведение переговоров представляет собой относительно самостоятельную отрасль прикладных знаний, которая использует понятийный аппарат других научных областей, в том числе юридических наук, и ориентирована на совершенствование практики правоприменительной деятельности.

Предметом переговоров с преступниками является исследование феноменологии, закономерностей и механизмов переговоров с преступниками для повышения их эффективности в борьбе с преступностью.

Изучение переговоров с преступниками основывается на использовании данных криминологии уголовного, уголовно-исправительного права, уголовного процесса, криминалистики, международного и гражданского права, социологии, психологии, психиатрии, педагогики, теории управления и других наук. Включает в себя интеграцию многих положений этики, психолингвистики, теории игр и информатики, логики, конфликтологии, рефлексивного управления и иных отраслей знания.

В тоже время переговоры с преступниками, в силу своей правовой специфики, представляют собой составную часть теории оперативно-розыскной деятельности, ее прикладных выводов и рекомендаций в сфере оперативно-розыскной профилактики, а также решения других задач уголовного судопроизводства.

Вместе с тем переговоры с преступниками – эмпирически воспринимаемая реальность со своими, только им присущими закономерностями.

К сожалению, средства массовой информации в основном подробно рассказывают о способах совершения преступлений, что нежелательно с точки

зрения общей превенции, и мало уделяют внимания тому как, какими средствами, способами достигается предупреждение правонарушений.

В настоящее время познание проблем переговоров с преступниками находится в нашей стране на уровне начального своего этапа, обобщения и анализа эмпирического материала, научного поиска.

Остается небольшим потенциал научных публикаций на эту тему, методических рекомендаций, основанных на анализе фактов ведения диалога с преступниками.

Очевидна социальная потребность и необходимость изучения переговоров с преступниками как способа ненасильственной борьбы с ними.

Понятие и типы переговоров с преступниками.

Переговоры с преступниками – проявление реальной действительности в борьбе с преступностью, *вид человеческой деятельности, выражающейся в диалоге с преступниками в целях предупреждения, раскрытия и расследования преступлений* (29).

По цели ведения переговоров выделяют:

1. Переговоры об освобождении заложников и похищенных людей (в том числе детей);
2. Переговоры о предупреждении взрывов, поджогов, отравлений и других подобных акций;
3. Переговоры о выдаче похищенного оружия, взрывчатых и отравляющих веществ, бактериологических, радиоактивных и других материалов;
4. Переговоры о возвращении похищенных культурных и исторических ценностей;
5. О сдаче преступников властям и т.д. (могут одновременно достигаться две и большее число целей).

По мотивам действий преступников переговоры могут быть:

- политическими;
- националистическими;
- корыстными;
- личными (месть);
- мотив незаконной эмиграции;
- мотив уклонения от задержания;
- мотив освобождения из под стражи и др.

По отношению к преступлению и возбуждению уголовного дела:

- до совершения преступления;
- в период совершения преступления;
- после совершения преступления;
- до возбуждения уголовного дела, после его возбуждения.

По длительности переговоры с преступниками бывают:

- *краткосрочными* (их период определяется количеством часов);
- *среднесрочные* (их период определяется сутками);
- *длительные* (их период исчисляется неделями, месяцами, и даже годами).

По числу сторон: *двухсторонние* и *многосторонние* (когда каждая сторона имеет собственные интересы в переговорах).

По числу участников:

- *один на один* (представители каждой стороны);
- *по несколько человек с каждой стороны;*
- *между группами людей.*

Возможны различные комбинации численности сторон в зависимости от ситуации.

По степени сложности:

- *простые*, когда обсуждается один предмет переговоров;
- *сложные*, когда обсуждается ряд вопросов, в их последовательности и преемственность (многоходовые).

По уровню представительства сил правопорядка:

- на местном уровне (городском, районном);
- на уровне республики, края, области;
- на государственном уровне, с участием представителей иностранных государств;

- смешанные уровни представительства.

По степени опосредствования контакта сторон:

- прямые (непосредственный контакт);
- через посредников (переводчиков);
- с участием третьей нейтральной стороны;
- смешанные типы переговоров.

По форме контакта сторон, форме ведения:

- устные;
- письменные, без применения технических средств (радио, телефон, мегафон и другие средства связи);
- смешанные формы контакта сторон.

По степени гласности:

- гласные, о ходе которых информируется общественность;
- негласные (тайные), когда признано необходимым по договоренности сторон не сообщать о них по различным оперативно-тактическим и иным основаниям.

По характеру условий, выдвигаемых преступниками:

- приемлемые;
- невыполнимые;
- частично выполнимые.

Представленная классификация отражает лишь отдельные, наиболее характерные виды переговоров, что дает основание судить о степени сложности переговорного процесса с преступниками, о необходимости углубленного научного анализа данного вида деятельности.

Факторы, влияющие на ведение переговоров с преступниками:

- известность или неизвестность места нахождения преступников и заложников;
- стационарное место нахождения преступников и заложников (жилой массив, подразделение ИТУ, промышленный объект, предприятия, учреждения, полевые условия и др.) или нахождение их в движении (различные виды транспорта);
- возможность или невозможность применения к преступникам силы (физической силы, специальных средств, оружия);
- наличие данных о личности преступников и их жертв, преступных намерениях;
- нахождение преступников в кабине пилотов (при захвате воздушного судна).

Являясь составной частью оперативно-тактических операций, проводимых в необходимых случаях правоохранительными органами, переговоры с преступниками обычно содержат **следующие компоненты** (31):

- *специфическая криминальная ситуация*, требующая ведения таких переговоров, без которых невозможно достижение планируемых целей;
- *диалог сторон* – субъектов переговоров – для достижения ожидаемого результата;
- *решение задач предупреждения, раскрытия и расследования преступлений* и связанных с ними вопросов путем достижения соглашения;
- в случае положительного исхода переговоров – *исполнение обязательств, взятых на себя сторонами*.

Отсюда вытекает необходимость выработки общей методики ведения переговоров с преступниками на наиболее абстрактном уровне, и частных методик, рассчитанных на ведение переговоров по отдельным видам преступных деяний.

Рассмотрим более детально вопрос о сторонах, участвующих в переговорах с преступниками.

Субъектами переговоров являются лица, совершившие преступление, то есть **преступники**.

В ходе переговоров с преступниками необходимо знать их общие свойства, а также особенности конкретного человека во всей сложности его индивидуального бытия, социального опыта, личных качеств, особенностей антиобщественного (преступного) поведения.

Это позволяет обеспечить личностный подход к субъекту переговоров, выявить черты характера, предрасположенность к определенной категории аргументации, дающей возможность избрать наиболее эффективную линию ведения с ним диалога, дебатирования, поиска согласованных решений.

Углубленное **изучение личности преступника**, независимо от того действует он один или в группе, либо представляет целое преступное сообщество, первооснова ведения успешных переговоров.

Хотя, надо учитывать всю сложность этого вопроса, когда переговоры ведутся с некоей «общностью» преступников, в которых обычно присутствует «иерархичность» связей, строго определен «рейтинг» каждого участника, степень его возможностей и притязаний, влияния на соучастников по преступной деятельности.

Переговоры с преступниками носят *вынужденный характер*. Они связаны с необходимостью защищать жизнь, здоровье, свободу граждан, а также другие правоохраняемые ценности.

Преступникам противостоят силы государства, всего общества. Такой представляется другая сторона переговоров, от имени которой выступают должностные лица государственных, в том числе правоохранительных органов, представители общественности.

Осознание данного факта составляет существо понятия субъектов переговоров, представляющего все общество. В распоряжении этой стороны находятся все возможности пресечения преступных действий силой, включая

силу оружия и специальных средств. В то же время, исходя из гуманных соображений, допускается возможность делегирования своих представителей на переговоры с преступниками в поисках наиболее разумного и целесообразного разрешения конфликта.

Субъектами ведения переговоров от имени государства являются представители органов власти всех уровней, общественные организации.

На практике наиболее часто ведут переговоры руководители МВД, УВД, горрайорганов внутренних дел, исправительно-трудовых учреждений, СИЗО, ЛТП, внутренних войск и других подразделений, сотрудники уголовного розыска и других служб милиции, работники прокуратуры, госбезопасности, гражданской авиации, следователи и другие лица (30).

Есть одна немаловажная особенность переговоров с преступниками: **именно последние зачастую выбирают тех, с кем хотят вести диалог.**

Имеют место случаи, когда преступники выбирают конкретного работника правоохранительных органов, доверяя ему быть стороной в переговорах, и не доверяют другим: когда им определяется ведомство и организация общественными движениями, с которыми они хотят иметь дело.

Например, с прокуратурой, с органами госбезопасности, народными депутатами, представителями прессы, работниками телевидения, радио и т. д. В этих случаях упорствовать в «назначении» стороны не имеет смысла и лишь приводит к обострению конфликта.

В переговорах с преступниками в качестве стороны участвуют также потерпевшие по делам о похищении ребенка, другие граждане по собственной инициативе или по просьбе сторон.

Почти в половине известных случаев переговоры велись с помощью посредников, не связанных с преступниками (членов экипажей самолетов, пассажиров, соседей по квартире, лиц, случайно оказавшихся в эпицентре событий).

От их роли также зависит многое в представлении интересов стороны сил правопорядка, их стремления помочь в деле предупреждения и пресечения преступлений.

Переводчики, как и посредники, формально не являются сторонами в переговорах с преступниками. Но от их умения зависит многое. Они не только переводят высказывания сторон, но и известным образом на языковом материале двуязычных переговоров интерпретируют полученные ими тексты.

Ошибочный выбор переводчика может привести к срыву переговоров, поскольку каждый текст можно перевести в большей или меньшей степени его приемлемости собеседником. Важно, чтобы работа переводчика была продолжением усилий стороны правоохранительных органов, а не затрудняла деятельность неадекватной передачей суждений, неприемлемой с национальной точки зрения формой их словесного изложения.

Положительное влияние на ход переговоров оказывают лица, привлекаемые к их проведению: представители общественности, средств массовой информации, местные авторитеты, священнослужители, родные и близкие преступников. Участию их в переговорах должна предшествовать предварительная проработка линии их поведения.

Изучение практики указывает **на два наиболее характерных периода** их ведения, которые заметно отличаются друг от друга своим содержанием, положением сторон, эмоциональной окраской.

Наиболее сложным является **первоначальный период переговоров** (8, 29, 31).

Он характеризуется внезапностью действий преступников, их стремлением подавить волю представителей правоохранительных органов, навязать удобные для себя формы диалога. В ход идут разного рода оскорбления, угрозы, шантаж, предъявляются ультимативные требования о выполнении в краткие сроки выдвигаемых преступниками условий.

Правильной тактической линией в создающейся экстремальной ситуации является:

- *демонстрирование психологической устойчивости;*

- *снятие эмоционального напряжения;*

- *возможное затягивание переговоров* с тем, чтобы выиграть время для всестороннего уточнения обстоятельств совершенного преступления, осуществления *разведывательных (диагностических) поисковых мероприятий*, заключающихся в выяснении личности преступников, их численности, наличия судимости, возрастных, физических, психических и других особенностей, а также сведений о намерениях, связях, видах и количестве оружия, которым они располагают.

Одновременно выясняется число захваченных людей, их установочные данные, местонахождение, отношения с преступниками, состояние их здоровья.

Проводится рекогносцировка для выбора наиболее целесообразной формы дальнейшего ведения диалога (устный, с использованием средств связи, усиления звука, через посредников, переводчиков, письменный).

С учетом собранной информации принимается решение о задействовании сил и средств, включая спецсредства и оружие, для обеспечения безопасности, возможного пресечения преступных действий силой.

Главным на этом этапе является **эмоционально-волевая устойчивость**, которая проявляется в собранности, не растерянности, отсутствии панических обещаний. При этом надо иметь в виду, что для преступников, высказанные ими угрозы (убийства, например), как правило, носят «демонстративный» характер, можно сказать, рассчитаны «на испуг» представителей правоохранительных органов.

Однако на пути реализации угроз лежат соображения преступника относительно того, что эти угрозы (а не их исполнение) являются по существу единственным аргументом в стремлении достичь намеченного результата.

На этом этапе инициатива как правило у преступников. Однако преодоление негативных последствий внезапности преступных действий в итоге приводит диалог в более спокойную тональность, когда правоохранительные органы имеют возможность получить определенные преимущества.

В обстановке дефицита времени, при затрудненности общения на первоначальном периоде переговоров **основное внимание следует уделить:**

- *установлению и развитию контактов* с лицами, захватившими заложников;
- поиску с ними *«общего языка»*;
- *внушению им чувства доверия* к представителям правоохранительных органов, ведущих переговоры;
- *терпеливому и спокойному обсуждению возникшей конфликтной ситуации*.

Дальнейшее продолжение переговоров связано с рассмотрением *конкретных условий*, которые выдвигают преступники, внесением логических элементов в переговоры с преступниками. Сам этот факт в значительной степени предопределяет известную пассивность их позиции, ибо им приходится рассматривать возможные варианты решений, предлагаемых правоохранительными органами, соглашаться с ними или отвергать.

Тогда же правоохранительные органы имеют время мобилизовать необходимые силы и средства, которые воспринимаются преступниками как угроза крушения их замыслов со всеми вытекающими из этого последствиями.

Преодоление первого периода переговоров является нередким залогом успеха.

Но часто первый период переговоров осложняется тем, что лица, захватившие заложников, продолжают «психологическую атаку», навязывают тактику «митингового» обсуждения, создавая трудности для рассмотрения по существу предмета переговоров.

Наиболее оправдавшим себя тактическим контрприемом является предложение лицам, захватившим заложников, **выделить своего представителя (посредника)** с тем, чтобы в более спокойной обстановке обсудить выдвинутые ими условия.

Обычно преступники опасаются, что представитель может пойти «на поводу» у сотрудников правоохранительных органов, оказавшись вне контроля соучастников.

Эти сомнения необходимо рассеять, предложив преступникам самим определить, где и когда может быть установлен контакт с их представителем, как будут информироваться о ходе переговоров остальные участники преступной группировки.

Замечено, что выделение представителя обычно направляет переговоры в более спокойное русло (29).

На данном этапе возможен перехват инициативы в диалоге, обеспечивающий повышение эффективности психолого-педагогического воздействия на преступников, склонения их к отказу от противоправного поведения. Это выражается в том, что противоположная сторона снижает свою активность, делает паузы для ответа на суждения стороны, захватившей инициативу, теряет последовательность в своих утверждениях, требованиях, занимает оборонительную позицию, прислушивается к доводам и суждениям другой стороны.

Главным доводом во всех успешно завершившихся переговорах была неоднократно подчеркиваемая в различной интерпретации **мысль о том, что диалог имеет смысл, если преступники гарантируют жизнь и здоровье заложникам.** В противном случае, применение силы закона является правомерным и неотвратимым, вплоть до применения оружия на поражение.

На протяжении всего времени переговоров необходимо поддерживать у преступников убеждение в возможном удовлетворении их требований, чтобы

удержать от насилия по отношению к заложникам, похищенным людям, завершения других преступных намерений.

Возможна и более детальная разработка этапов, которые проходят переговоры с преступниками.

Первый. Во время этого этапа обобщается первоначальная информация о ситуации, требующей ведения переговоров, принимаются решения об их ведении, выделяются переговорщики, собираются дополнительные данные о возникшем конфликте, определяется тактика ведения диалога, устанавливаются контакты с преступниками, достигается стабилизация обстановки.

Второй. Условно названный «захватом позиций», организуется задействование сил и средств, обеспечивающих общественную безопасность, возможность разрешения конфликта силой, путем психолого-педагогического воздействия обеспечивается склонение преступников к отказу от преступного поведения.

Третий. Выдвижение условий и обсуждение их приемлемости, поиск компромиссов, нахождение вариантов взаимоприемлемых решений, торг, психологическая борьба.

Четвертый. Достижение полного или частичного соглашения, определение путей его реализации, анализ проведенной работы.

На всех этапах переговоров надо постоянно иметь в виду возможность уменьшения числа заложников, в первую очередь женщин, детей, больных и пожилых людей, используя все поводы для постановки этого вопроса. Каждый освобожденный заложник – успех, достигнутый переговорщиками.

Разумеется, это не исчерпывающий перечень вопросов, которые структурно можно выделить, говоря о периодах и этапах переговоров.

Главное – сориентировать участников событий, выступающих на стороне правоохранительных органов, на общую периодику переговоров как на систему ориентиров, позволяющих принимать соответствующие им меры в ходе переговоров с преступниками.

Рассмотрение общей схемы переговоров позволит сотрудникам правоохранительных органов более четко проводить свою линию, снимая в известной степени уровень эмоционального напряжения, подсказывая «дополнительные доводы, суждения, оценки».

Логический анализ многих переговоров дает возможность также выявить ряд ключевых позиций, которые независимо от специфики конкретного случая наличествуют в ходе диалога представителей правоохранительных органов с преступниками.

Стремление добиться выигрыша времени чаще всего реализуется в виде указаний на необходимость согласования с руководством, властями, должностными лицами тех или иных вопросов, получения разрешений, желание всесторонне и глубоко разобраться с условиями, которые выдвинули преступники, сложностью технического и процедурного их выполнения, отсутствием в наличии требуемых сумм денег, транспорта, других материалов и иных объектов и т. д.

Таким образом, затягивание переговоров, в пределах разумного желательно как с точки зрения задействования необходимых сил и средств, так и как фактор снижения психологической напряженности, особенно остро проявляющийся в начале переговоров.

2. Характеристика позиционных переговоров и переговоров по существу

Характерной особенностью переговоров с преступниками является необходимость постоянного сочетания «позиционных переговоров» с переговорами «по существу», как наиболее продуктивной тактики ведения диалога в поисках приемлемого соглашения.

В работе Р. Фишера доказывается преимущество второго метода ведения переговоров по сравнению с первым.

«Позиционные переговоры» – перебор вариантов возможных взаимных уступок по одной позиции имеют недостатком длительность

обсуждения приемлемого для сторон варианта. Кроме того, нередко переговоры заходят в тупик, когда одна из сторон не считает для себя возможным дальнейший путь навстречу другой по избранной позиции. Гораздо рациональнее рассмотреть предмет торга в целом, убедившись в целесообразности того или иного решения, т. е. провести переговоры «по существу».

В ходе позиционных переговоров (скажем, обсуждении суммы выкупа) правоохранительные органы имеют возможность изыскать дополнительные способы и средства пресечения деятельности преступников, получить новую ценную информацию, скоординировать усилия различных ведомств и служб, установить контакты на международном и ином уровнях, если того требует обстановка.

Разумеется, они не исключают, а дополняют возможности, которые предоставляют переговоры «по существу». В конечном счете, склонение преступников к отказу от противоправного поведения чаще всего достигается именно этим методом переговоров, поскольку позволяет убедительно аргументировать целесообразность отказа от преступных намерений.

Анализ успешно окончившихся переговоров с преступниками позволяет сделать принципиальный **вывод**: *правоохранительные органы в ходе переговоров с преступниками, в зависимости от конкретной ситуации должны сочетать возможности, которые предоставляют позиционные переговоры и переговоры по существу, это делает тактику действий правоохранительных органов более гибкой.*

Тактика затягивания переговоров выражается и в том, что надо давать время для обдумывания ответа. Нередко «уговаривание» преступников идет столь интенсивно, без пауз, что не дает им возможности оценить в полной мере доводы, выдвигаемые представителями правоохранительных органов и другими лицами, принимающими участие в диалоге.

Между тем мастерство переговорщиков проявляется, в частности, в умении, исходя из тактических соображений, создавать паузы (перерывы) в переговорах. Они дают возможность всесторонне обсудить сложившуюся обстановку, найти новые подходы в диалоге, осуществить дополнительные меры обеспечения безопасности.

Паузы (перерывы) в переговорах являются также сильным средством психологического воздействия на лиц, захвативших заложников. В обстановке «информационного голода» – у них усиливаются чувства неуверенности и сомнения в достижении задуманного.

Дипломатия выработала за исторически необозримый период своего существования обширный набор тактических приемов, которые используются сторонами в ходе торга по вопросам, представляющим для них интерес. Смысл их состоит в стимулировании желаемого поведения того (или тех), с кем ведутся переговоры, и в то же время, уклонения от нежелательных предложений, поступающих от другой стороны.

Однако большинство из этих приемов относятся к случаям, когда стороны имеют определенную свободу выбора и свободу действий, известное «равноправие».

В переговорах с преступниками дело обстоит иначе. Заведомая противоправность действий преступников, их общественная опасность не допускают рассматривать преступников в качестве «равноправной» стороны в вынужденном диалоге, который ведут представители правоохранительных органов.

Вместе с тем, разумеется, в ходе диалога с ними приходится обращаться к использованию возможностей тактических приемов.

Не имея специальных навыков, преступники нередко, как заправские дипломаты, применяют весьма широкий их арсенал: «ультимативность требований», запрашивают больше того, что хотят достичь, «уходят» от конкретных предложений, выдвигаемых другой стороной, беззастенчиво «блефуют», расставляют ложные акценты в изложении своей позиции,

«навешивают ярлыки», тем, кто вступил с ними в диалог, дают «двойное толкование» достигнутым соглашениям, а зачастую от них отказываются.

Сторона, представляющая правоохранительные органы, должна разумно интерпретировать каждый тактический прием, применяемый преступниками, исходя из общей тактической линии ведения переговоров с преступниками, парировать их контраргументами с тем, однако, чтобы не завести переговоры в тупик, не сорвать их в ущерб делу освобождения заложников, предупреждения других преступлений.

В практике известен прием, который в отечественной литературе называют «следственной (оперативной) хитростью», «уловкой», «ловушкой», а в зарубежной – «блефом» (8, 9, 30).

Проблема его допустимости остается в центре не прекращающейся дискуссии у нас в стране и за рубежом и рассматривается как с правовых, так и с нравственных позиций. Имеются решительные сторонники применения этого тактического приема в борьбе с преступностью, не менее решительные и его противники.

Суть такого противостояния можно описать следующим образом.

Противники использования такого приема: все «хитрости», «блеф» придумали неквалифицированные работники, прикрывающие ими отсутствие профессионального мастерства, неумение вести расследование в строгом соответствии с требованиями закона и нормами этики, рекомендациями науки. При «правильном» ведении расследования подобные ухищрения не нужны. К тому же все ухищрения «блефа» быстро становятся известными преступному миру и приносят больше вреда, чем пользы. Рецидивисты умеют их обходить, а неопытные, впервые совершившие правонарушения люди, оказываются жертвами обмана, хотя их вина могла быть доказана допустимыми с моральной точки зрения приемами.

Правоохранительные органы в принципе не могут опускаться до уровня субкультуры преступного мира, отрицающего нормы нравственности. Наоборот, даже в самых сложных оперативно-следственных операциях представители закона и правосудия должны сохранить «руки чистыми».

Сторонники: нельзя быть в современном мире столь наивными, противостоя злу и насилию лиц, сознательно попирающих право и мораль. Есть ситуации, когда с

преступлениями можно бороться их же оружием, «блефом», «хитростью», дезинформацией, утаиванием либо демонстрацией полученных данных, созданием видимости якобы имеющихся доказательств. Перечень «уловок» и «ловушек» неисчерпаем. На них, как показала практика, попадаетесь нередко весьма искушенные и закоренелые преступники, в том числе имеющие солидную подготовку в области права и тактики расследования.

Обобщив две позиции, можно сказать, что данный метод возможно применить в случаях, когда другими тактическими средствами установить истину нельзя.

К тому же необходимо, чтобы полученные в результате «хитростей» сведения, не абсолютизировались, а получали подтверждение другими уликами, собранными по делу, были звеном в цепи доказательств как любое признание своей вины подозреваемым, обвиняемым.

В экстремальных ситуациях переговоров с преступниками, исходя из отечественного и зарубежного опыта, «хитростями», «уловками» можно бесспорно пользоваться в двух видах переговоров:

- «для прикрытия», когда в принципе решен вопрос о применении силы;
- в «переговорах-имитациях», когда необходимо снять агрессивность у душевно-больного человека.

В остальных случаях желательно избегать таких приемов, поскольку они приносят больше вреда, нежели пользы, подрывают доверие к стороне, представляющей правоохранные органы, перечеркивают при их разоблачении преступниками возможное согласие, ведут к непредсказуемым последствиям, в том числе и по отношению к жертвам преступления, чего, разумеется, допустить нельзя.

Надо помнить, что преступники весьма недоверчиво относятся к действиям сотрудников правоохранных органов, делают все, чтобы не «обмануться».

Следует избегать использования непроверенных данных, которые могут быть опровергнуты. Это создает дополнительные трудности в общении с лицами, захватившими заложников, порой являются причиной срыва соглашения.

Целесообразно, как правило, удовлетворять мелкие просьбы лиц, захвативших заложников: передать еду, одежду, питье, папиросы, трактуя этот шаг как проявление доброй воли стороны, представляющей правоохранительные органы.

Имеют место случаи, когда работники правоохранительных органов сами предлагают себя в заложники в обмен на детей, женщин, стариков, раненных или больных людей.

Эти смелые и рискованные акты самопожертвования допустимы лишь на добровольной основе, исходя из конкретной ситуации.

Линия их поведения должна строиться с учетом специфики психологии преступников, негативного восприятия ими работников правоохранительных органов, чтобы не усложнять ситуацию и не провоцировать эксцессы, т. е. способствовать, насколько это возможно, снятию эмоционального напряжения у преступников и их жертв, не отрицать возможность выполнения выдвигаемых условий, не предпринимать самостоятельно активных действий к освобождению себя и других, запоминать детали поведения и действий, которые могут быть использованы при дальнейшем расследовании дела.

Однако эта роль сотрудников правоохранительных органов, добровольно ставших заложниками, не должна выделять их среди других жертв преступлений, важно, чтобы она соответствовала стремлению избежать человеческих жертв и других тяжких последствий.

Соображения безопасности должны превалировать и в случаях, когда преступники настаивают на необходимости личных контактов с сотрудниками, проводящими переговоры.

3. Переговоры «для прикрытия» (оперативная игра)

Фраза «переговоры зашли в тупик» нередко встречается в сфере дипломатии. Это значит, что стороны не нашли взаимоприемлемых решений. Договоренность не достигнута. Тогда переговоры либо прекращаются, либо начинается новый тур поиска сближения точек зрения, связанного с изменением позиций сторон. Переговоры с преступниками, как показала практика, также зачастую заканчиваются тупиком.

Он, в основном, связан с выдвиганием неприемлемых условий, когда возможный вред соглашения превысит уровень того вреда, который уже достиг в результате учиненных преступных действий.

Осознание тупика переговоров влечет за собой постановку вопроса о применении силы, если речь идет о сохранении жизни заложников. Упорство, проявленное преступниками, может быть тогда сломлено насильственными мерами.

Однако такие меры возможно осуществить лишь в наиболее удобный момент, в обстановке максимально способствующей сохранению жизни и здоровья заложников и, в определенной степени, самих преступников.

Кроме того, подобная акция должна непременно гарантировать безопасность сотрудников правоохранительных органов и других лиц. В этих целях и используются **переговоры «для прикрытия»**.

Суть их – продолжение диалога с преступниками в целях создания ситуации, при которой можно наиболее эффективно и безопасно осуществить операцию пресечения преступных действий.

Переговоры становятся прикрытием успешной реализации намеченных планов использования имеющихся сил и средств. Надо вести их так, чтобы преступники не почувствовали изменения тональности диалога, не догадались о принятом решении подавить их сопротивление силой.

Здесь возможно, исходя из тактических соображений, фиктивное «согласие» на выполнение определенных требований, детальное

обсуждение этой процедуры, демонстрация выполнения выдвинутых преступниками условий и т. д. Чем больше контраст между «успокаивающей» манерой ведения переговоров, решительностью и внезапностью применения силы – тем эффективней бывает результат.

В этом смысл и назначение переговоров «для прикрытия». Кроме ситуаций «тупика переговоров», о которых сказано выше, имеют место факты, когда диалог «для прикрытия» ведется при изначально принятом решении применить силу. Как правило, это связано с тем, что преступники уже осуществили преступные действия против заложников (убийства, ранения, истязания).

В Калининграде организовалась вооруженная банда под руководством А. Маркевича, Б. Федирко, К. Остапенко. Преступники готовили побег в Швецию и с целью приобретения денег и ценностей совершали кражи и разбойные нападения в Белоруссии, в Литве и Калининградской области. При возвращении на автомашине из Белоруссии при проверке документов совершили убийство лейтенанта милиции и тяжело ранили капитана милиции.

Оперативным путем группа была обнаружена в Калининграде. Захват преступников связан с длительными и напряженными переговорами главаря банды и начальника уголовного розыска УВД Калининградской области. Работники милиции заняли квартиру рядом с квартирой, в которой находился А. Маркевич и его сожительница. Переговоры проходили в квартире, занятой опергруппой, куда А. Маркевич был вызван, перелезая через балкон. Переговоры продолжались около двух часов под дулами пистолетов с обеих сторон. Требования опергруппы – сдаться, требование А. Маркевича – дать водки и разрешить выехать из города.

Условия долго обсуждались. Опергруппа вела переговоры «для прикрытия», имея целью выиграть время. В тот момент, когда А. Маркевич в очередной раз перелезал с балкона на балкон, он был убит снайпером, находившимся в засаде (8).

Нередко переговоры «для прикрытия» представляют собой завершение переговоров с преступниками, после того как они выдвинули очевидно неприемлемые условия и настаивают на них, не поддаваясь никаким уговорам.

В Хабаровском крае в ИТК-8 строгого режима в 7.00 трое осужденных, вооруженные колюще-режущими предметами, захватили в производственной зоне четырех сотрудниц колонии в качестве заложниц, и потребовали встречи с представителями госбезопасности, чай, коньяк, транзистор, нитроглицерин. В процессе переговоров все требования, за исключением коньяка, были удовлетворены. Тогда преступники освободили в 12.00 одну из заложниц, дополнительно потребовав создания комиссии по «недостаткам в работе ИТК». Такая комиссия была создана из руководителей

УВД. Однако преступники потребовали выдать им боевое оружие, бронежилеты, автобус для выезда из ИТК и бинокль. После этого переговоры стали вестись «для прикрытия» (оперативная игра).

После предварительной подготовки, проведения рекогносцировки, в ответ на категорический отказ освободить заложниц, в 20.40 был предпринят штурм. Один преступник убит, соучастники изолированы, заложницы освобождены 32.

В ситуации переговоров «для прикрытия» возникает много вопросов: с какого момента и при каких обстоятельствах можно использовать данный вид переговоров, каков тот «порог», с которого идет отсчет времени ведения диалога с преступниками для того, чтобы выбрать наиболее удобный момент для применения силы и др.

Анализ факта захвата заложников показывает, что юридическая и нравственная оценка кардинальным образом меняется, когда преступники убили хотя бы одного заложника.

Лишение человека жизни принципиальным образом меняет ситуацию. В сложных, экстремальных условиях ситуации захвата заложников необходим комплексный подход к оценке перспектив переговоров и необходимости применения силы, содержащий:

- *оценку личности преступников;*
- *степени их агрессивности;*
- *мотивов, толкающих на применение насилия над заложниками, причинение вреда здоровью, покушения на их жизнь;*
- *проверку достоверности информации* о том, что в отношении заложников уже совершены преступные акции, и не носят ли они характер ложной «демонстрации», чтобы принудить, к выполнению условий, выдвинутых преступниками;
- *гарантии допустимости применения* силы, исходя из требований безопасности заложников и лиц, обеспечивающих применение силы.

Таким образом, «переговоры для прикрытия» (оперативная игра) наиболее часто используются при задержании вооруженных преступников, пресечения угроз взрывов, поджогов, массовых отравлений, во время поиска похищенных людей (в том числе детей), когда место нахождения

преступников неизвестно, когда проводятся активные поисковые, разведывательные, оперативно-розыскные мероприятия.

В этом случае оперативная игра предоставляет возможность получить дополнительную информацию, тщательно подготовить акцию задержания и обезвреживание преступников.

4. Имитация переговоров

От переговоров в собственном смысле этого слова и от переговоров «для прикрытия» следует отличать имитацию переговоров. Речь идет о случаях, когда приходится иметь дело с душевно больным человеком.

По существу здесь **отсутствует субъект переговоров**, реагирующий на логическую сторону диалога и отдающий отчет в содеянном.

Имитация переговоров должна быть направлена, прежде всего, на **снятие агрессивности поведения**.

Необходимо демонстрировать согласие с требованиями и высказываниями собеседника, насколько нелепы они бы не были, не отказываться от обещаний, которые могут быть и невыполнимыми, идти на блеф с тем, чтобы в удобном случае применить силу для пресечения общественно опасного поведения лиц указанной категории.

В подобных фактах диалог лишен содержательной своей части, и по существу, он является психотерапевтическим прикрытием принятия насильственных мер, позволяющих устранить опасность.

Имитация переговоров, применяемая в случаях вынужденного общения с душевнобольными, должна основываться на рекомендациях психиатрии, которая предлагает использовать **мотивы отвлечения от навязчивости**, охватившей больного, **перевода потока его мышления на другие темы**, **внушение образов, снижающих агрессивность**.

Это достигается анализом характерных деталей его высказываний, выявлением доминирующих элементов суждений, приведших к общественно

опасным действиям, «замена» их другими, не связанными с возникшей ситуацией.

Желательно привлечение в подобных случаях к контактам с больным *специалиста-психиатра* либо иного медицинского работника, владеющего навыками психотерапии. Быстротечность конфликтных ситуаций, вызванных действиями лиц, демонстрирующими явные признаки неупорядоченного поведения, не всегда позволяет разобраться с диагнозом.

Как правило, это бывают *лица, страдающие шизофренией, маниакально-депрессивными и острыми реактивными состояниями, глубокие невротики*. В любом случае, включая проявления психопатологических расстройств (бреда, галлюцинаций), обращение с больными требует непровоцирования манифестации агрессивности.

Во время имитации переговора с душевнобольными людьми целесообразно использовать весьма ценный опыт переговоров по «телефону доверия», среди абонентов которого немало лиц, заявляющих о своем намерении совершить преступление.

Склонение их к отказу от высказанных намерений – смысл диалога. Прежде всего, достигается снятие чрезмерного эмоционального напряжения у собеседника, не только призывами сохранять спокойствие, но главным образом отвлечение от основной обсуждаемой темы.

«Отвлечение внимания» является весьма эффективным приемом перевода диалога в рамки обсуждения конкретных соображений, доводов и контрдоводов, исходя из специфики случая. Обычно реализуется в форме вопросов о личности пациента, его жизни, родителях, окружении; перехода на темы, интересующие собеседника.

Сторона, представляющая правоохранительные органы, в соответствии с предписанием закона, обязана в удобный момент предъявить преступникам требование прекратить преступление.

Нередко бывает, что преступники прекращают после этого свои противоправные действия. После этого, естественно, следует устраивающее обе стороны соглашение. Но бывает, что они выдвигают встречные условия. Если эти условия не носят противоправный характер, то за этим также следует соглашение.

В случаях, когда они выдвигают противоправные условия, т.е., продолжают преступное поведение, – также требуется реализация требований закона о прекращении преступления. Если после этого они отказываются от своих намерений – достигается соглашение.

В противном случае предстоят переговоры относительно выдвинутых условий. Когда преступники упорно настаивают на неприемлемых условиях и заводят переговоры в тупик, сторона, представляющая правоохранительные органы, при наличии к тому оснований, должна предупредить о возможном применении силы, переходит к переговорам «для прикрытия» с тем, чтобы наиболее эффективно и безопасно применить силу, включая спецсредства и огнестрельное оружие.

Если речь идет о противоправных, но в принципе допустимых уступках, они рассматриваются в ходе переговоров и не исключено достижение соглашения. Однако, если переговоры заходят в тупик, реализуется схема действий, предусматривающих применение силы.

Такой алгоритм переговоров в обобщенном виде представляет последовательность процессов с целью логического завершения переговоров – достижения «вывода результата»: либо соглашения, либо применения силы.

В случаях, когда достигнута договоренность с преступниками, следует четко оговорить условия освобождения заложников с учетом обеспечения их безопасности, предупреждения возможного обмана и срыва соглашения, обострения сложившейся ситуации.

5. Методы и приемы ведения переговоров.

Как отмечалось ранее, в рамках межнациональных и иных конфликтов переговоры об освобождении заложников зачастую приходится вести с помощью народной (неофициальной) дипломатии, с привлечением представителей противоборствующих сторон.

Нередко в качестве третьей (нейтральной) стороны в них участвуют сотрудники органов внутренних дел, поскольку в ходе переговоров одновременно решаются задачи установления лиц, совершивших преступления, выдачи их властям, поиска свидетелей и очевидцев, розыска похищенного.

Одной из актуальных проблем является изучение психологических факторов, затрудняющих и способствующих успешному ведению переговоров с преступниками.

Факторы, способствующие и затрудняющие достижение положительного результата в процессе переговоров (8, 29, 30).

1. Прежде всего, желательно *ограничение численного состава* делегаций противостоящих сторон, так как участие больших групп серьезно затрудняет общение, делает переговоры неуправляемыми. Представляется, что 5–7 человек с каждой стороны – оптимальное количество участников переговорного процесса.

2. Многое зависит от *начала диалога*. Стороны приходят к переговорам с заранее заготовленными доводами и контрдоводами на возможные возражения. Это нередко определяет общий фон встречи, основанный на эмоциональной оценке информации, которую стремятся довести до сведения другой стороны.

3. Не способствует достижению согласия обращение сторон к доказательствам своей правоты путем *обращения к истории*. Как правило, у другой стороны также накоплены данные исторического характера. Диалог уходит в бесплодное дебатирование.

4. Наиболее драматичными являются *взаимные обвинения*, предъявляемые в связи с имевшими место в последнее время фактами

преследования людей, насильственной депортации, гибели детей, стариков, надругательств над женщинами, которые зачастую, перечеркивают достигнутую степень согласия.

Переговоры заходят в тупик. Каждая сторона доказывает, что новые противоправные акции совершены в ответ на действия другой стороны. Получается замкнутый круг, из которого очень трудно вырваться и направить переговоры в конструктивное русло.

Опыт показал, что делегации неохотно идут на предложение нейтральной стороны «вынести за скобки» указанные блоки суждений, рассматривая это как ущемление прав участников в доказательстве своей правоты.

Вместе с тем замечено, что рекомендации перенести на конец переговоров или другое заседание исторические аспекты, а также трагические факты, омрачившие жизнь людей, приводили к положительным сдвигам в переговорах. Уменьшение числа тем, приводящих к накалу страстей, всплеску эмоций, делает переговоры более продуктивными в плане освобождения заложников.

В ходе переговоров с преступниками обычно приходится преодолевать такое сложное явление как **психологический барьер** – *заранее выработанную негативную оценку доводов и действий другой стороны, отчетливо проявленное нежелание рассмотреть высказываемые соображения, касающиеся существа возникшего конфликта и путей его разумного разрешения.*

Такое установочное поведение («внутреннее сопротивление личности», по словам А. С. Макаренко) охватывает смысловую и эмоциональную сферу психики человека, совершающего преступления, поэтому можно говорить о двух психологических барьерах.

«...Готовясь к захвату заложников – сообщил заключенный М. – мы заранее продумали, какие ответы будем давать на предложения администрации. Договорились – не верить им ни в чем, ни одному слову. Мол, все это мы

знаем, и не надо нас обманывать. И когда начнут тянуть канитель, чтобы разжалобить, не поддаваться, держаться твердо. Все как один...» (9, 19).

Подобная позиция негативной психологической установки требует, естественно, больших усилий по ее преодолению от тех, кто ведет переговоры со стороны правоохранительных органов.

Психологические барьеры в сознании и чувствах особенно проявляются в начальной стадии переговоров, когда установочное поведение еще не подверглось психолого-педагогическому воздействию, когда с особой силой проявляются элементы недоверия и отчуждения.

Психология установления контакта между людьми, особенно в условиях затрудненного общения между ними, вызванного конкретной жизненной ситуацией, довольно обстоятельно рассмотрена в литературе.

Само понятие «контакт», используемое в сочетании слов «установление контакта», «вхождение в контакт» и «развитие контактов», рассматривается как *состояние, возникающее в результате общения, психологическая близость, понимание друг друга, сближение точек зрения на обсуждаемые вопросы, благоприятный прогноз на дальнейшее развитие межличностных отношений.*

Психологи и педагоги рассматривают понятие «контакт» на уровне изучения межличностных отношений и взаимодействия людей, что нашло отражение в фундаментальных работах А. А. Бодалева, Я. Л. Коломинского, А. Н. Леонтьевых, В. Б. Ольшанского, Л. Б. Филонова, А. М. Столяренко, В. И. Черненилова и других.

Контакты в условиях переговоров с преступниками проходят в обстановке быстротечности событий, крайнего эмоционального напряжения, взаимной отрицательной оценки сторон, недоверия и подозрительности, но заданность экстремальной ситуации заставляет общаться, устанавливая более или менее терпимые взаимоотношения.

В процессе переговоров происходит сближение людей, находящихся на противоположных полюсах, понимание должного поведения, между

которыми «дистанция огромного размера». И все же опыт успешно закончившихся переговоров свидетельствует о том, что даже и в этой ситуации можно создать у преступника (преступников) образ порядочного, честного, прямого, благожелательного, в том числе и к нему, преступнику, человека, стремящегося ему помочь выпутаться из беды, в которую он сам себя привел.

Это достигается обычно путем краткой, но убедительной информации о том, кто ведет переговоры от лица правоохранительных органов – переговорщика, его моральном облике, компетентности, жизненном опыте. Здесь главное успеть сказать о себе, о своем нравственном кредо, о целях своей работы в условиях переговоров.

Создание положительного образа переговорщика в глазах преступника – немаловажная цель в ходе установления и развития психологических контактов. Если это не получилось, отношения не сложились, возможно следует подумать о замене переговорщика дублером, у которого дела могут пойти лучше.

В понятийном аппарате следственной работы и оперативно-розыскной деятельности слово *«склонение»* означает *психологический прием, предпринимаемый для достижения целей, связанных с предупреждением, раскрытием и расследованием преступлений.*

Оно употребляется в контексте «получения правдивых показаний», признания своей вины лицами, причастными к совершению преступлений, раскаянием, как моральной оценке содеянного, явке с повинной и т. д.

Причем, склонение означает одностороннюю направленность влияния соответствующих представителей правоохранительных органов, действующих в пределах своих полномочий.

Основные черты усилий, называемых склонением, проявляются и в случаях переговоров с преступниками: представители правоохранительных органов стремятся, используя этот прием, достичь

отказа от противоправного поведения, способствования раскрытию и расследованию преступлений. Однако имеется и отличие.

Дело в том, что лица, причастные к совершению преступлений, «склоняют» в переговорах другую сторону к совершению определенных действий или к воздержанию от действий.

Иными словами, переговоры – это двустороннее использование возможностей, заложенных в понятии «склонение», образно говоря, – «встречное движение», разрешаемое компромиссом, насколько он допустим из правовых, нравственных и иных соображений, если судить с позиции правоохранительных органов.

Практика ведения переговоров свидетельствует, что оптимальным является следующее соотношение двух компонентов психологического воздействия на преступников в ходе ведения с ними переговоров:

- *около одной трети – обращение к сознанию, мышлению, интеллекту* преступников, к их способности нормального отражения объективной реальности, возникшей ситуации, логической интерпретации доводов и соображений, разъяснений, умению делать из них рациональные выводы.

- *две трети – прямое воздействие на эмоции, чувственную окраску* всех психических актов, переживание человеком своего отношения к происходящему, и, тесно связанную с эмоциями *волю*, – возможность целенаправленной деятельности в заданных условиях.

В современной философской и психологической литературе мышление и эмоции рассматриваются «как тесно связанные между собой, однако принципиально разнородные процессы».

Рациональный метод воздействия, направленный на восприятие его логическим мышлением преступника, вступившего в переговоры, содержит в себе доводы, относящиеся к возможности использования им поощрительных норм уголовного права с тем, чтобы либо избежать ответственности, либо снизить меру наказания и других репрессивных

последствий совершения преступления, о которых ранее говорилось более подробно.

Переговорщики в реальных условиях чаще всего используют эти доводы. Реже используется другой прием – *логическое рассмотрение тех требований*, которые выдвигают преступники.

На связь психологии и логики в процессе убеждения указывал еще знаменитый педагог К. Д. Ушинский.

Он называл физиологию, психологию и логику – тремя основами педагогики. Речевые потоки в ходе переговоров – суть суждения, т. е. мысли, содержащие какие-либо утверждения.

Сумбурность, какими нередко характеризуются высказывания преступников, их требований, позволяют при диалоге обращать внимание собеседников на нелогичность, недоказанность тех или иных требований, ошибочность утверждений. Часто мысли преступников строятся по принципу импликации (если..., то).

«Если нас освободят из заключения, то мы обретем свободу». «Если преступники в камере слышат шум шагов, лязг открываемых дверей, то готовится штурм». «Если заметно смягчился тон беседы, значит другая сторона готова идти на уступки» и т. д.

Нетрудно заметить, что эти мысли могут быть опровергнуты соответствующей аргументацией, логическими доводами типа: «Не обязательно после соответствующего «Если», следует высказываемое или предполагаемое «То». Опыт показывает, что подобные опровержения ложных суждений производят немалый психологический эффект. Разумеется, это лишь частный случай применения логических правил в ходе переговоров с преступниками.

Другой психологический метод – обращение к сфере эмоций в переговорах с преступниками. Стрессовая ситуация «снимает» нередко значительную часть словесно-логического мышления, контроль конкретных психических функций, обнажая мир чувств.

Аргументация в этом случае заменяется *элементами суггестивного* (путем внушения) психологического воздействия, которое может охватить не только того, с кем ведутся переговоры, но и путем явлений психической индукции на других членов группы. Оно направлено и на сферу воли, снижая импульсивность и агрессивность намерений, «замораживая» акты реализации преступного умысла.

В ходе переговоров с преступниками наиболее часто используются три вида эмоциональных проявлений человека.

Альтруистические эмоции. Экспериментами социальной биологии установлено, что альтруизм как потребность в содействии, помощи, покровительстве другим, чувство участия и жалости играют важнейшую роль в эволюции. Оказалось, что популяция живых существ, не только человека, «в которых индивиды проявляют самопожертвование ради пользы других, оказываются в более выгодных условиях, чем те, члены которых, прежде всего, заботятся о собственном благополучии.

«Альтруизм преобладает над эгоизмом».

Эта фундаментальная доминанта человеческой психики должна максимально использоваться в ходе переговоров с преступниками. Несмотря на то, что среди преступников немало циничных, безнравственных и бесчеловечных людей, привлечение их внимания к страданиям заложников, подчеркивание естественных привязанностей к родителям, детям, друзьям и близким, ответственности перед женщинами должна быть лейтмотивом высказываний стороны, представляющей правоохранительные органы.

Альтруистические эмоции непосредственно связаны с естественной потребностью в самоутверждении, с чувством удовлетворения тем, что «как бы вырос в собственных глазах, повысил ценность своей личности».

Поэтому **элементы «поощрения»**, содержащие положительные оценки отдельных черт личности преступников, любые шаги в сторону разрешения конфликта, указания на молодость, неопытность, вину организаторов и подстрекателей обязательно должны включаться в

речевую ткань диалога. Замечено, что особое значение имеют подчеркивание мужских эталонов поведения, чести и достоинства, верности данному слову и т. д.

И, наконец, необходимо умело использовать важнейший инструмент адаптивного поведения, глубоко заложенный в инстинктивную структуру психики человека – **страх**, неподвластный зачастую словесно-логическому мышлению, находящийся в «нижних этажах» мозга.

«Те же древние струны, которые вибрировали в связи с примитивными инстинктами животных, продолжают вибрировать и звучать в глубинах организма человека».

Страх как осознание ответственности за свои действия перед возможной гибелью от применения правоохранительными органами силы, как бы он не маскировался, сотрясает все существо преступника.

«Я видел – сообщил один из осужденных за захват заложников, как многие из нас дрожали, холодный пот заливал глаза, уши прислушивались к малейшему шороху и лязгу за стеной, казалось вот- вот ворвутся, начнется стрельба».

Отсюда в ходе переговоров преступники должны осознавать всю реальность последствий возможного применения силы, серьезность предупреждения о возможности ее применения в соответствии с требованиями закона.

Таким образом, комбинациями этих факторов воздействия на эмоции и рациональное мышление составляют основной «фонд» психологического влияния. Вариации их неисчислимы и зависят от специфики ситуации, особенностей личности преступников, психологической изобретательности переговорщика.

В острых экстремальных коллизиях, при которых ведутся переговоры с преступниками, находясь зачастую под реальной угрозой погибнуть, многие преступники (значительная часть из них страдает психопатией и неврозами) впадает по наблюдению переговорщиков в сложное

психическое состояние, напоминающее остро протекающее реактивное состояние, и другие расстройства психологического уровня.

В этих случаях психолого-педагогическое воздействие должно опираться на помощь специалиста, который дополнит его элементами психотерапии как метода лечебного, медицинского воздействия⁴².

Переговорщикам нередко приходится иметь дело и с жертвами преступления, также находящимися нередко на грани нервного срыва.

Практика борьбы с лицами, захватившими заложников, выявили необычный **«стокгольмский синдром»**, отмеченный впервые в 1978 году, психологического «сближения» преступников с жертвами (см. приложение).

Это сложное душевное состояние людей, находящихся в экстремальной ситуации, имеет, с точки зрения ведения переговоров, два аспекта, которые должны учитываться.

Во-первых, длительность переговоров и связанных с этим невольным общением преступников и жертв, возникающие между ними отношения, снижают уровень угрозы расправы над заложниками. Поэтому надо использовать это явление в целях предупреждения совершения преступлений.

Во-вторых, замечено, что своеобразная «симпатия», сближающая заложников и преступников, может отрицательно сказаться на ходе переговоров, если при этом используются для контактов возможности заложников. Нередко они, невольно, искажают позицию сторон, трактуя ее в пользу преступников, что может привести к нежелательному развитию событий.

Во всяком случае, когда в роли посредников оказываются заложники, необходимо учитывать возможность такого непреднамеренного «искажения информации», нежелательного раскрытия ими планов и намерений правоохранительных органов.

Вот выдержка из показаний заложника. Медсестра М. «Вместе (с лицами, захватившими ее в качестве заложницы) мы находились более суток. Ко мне они относились хорошо, хотя по телефону сообщили начальнику НТК, что измываются, пытаются меня, собираются убить. Этого не было. Просили меня «поплакать в трубку, порыдать». Я это делала. Они говорили – молодец. Валя мы тебя

не тронем. Когда нам передали еду, первой давали мне. Всем давали поровну. Я больше всего боялась, что ворвутся наши, всех перестреляют. Медпункт маленький, не спрячешься.

А они (осужденные) ребята хорошие, только невезучие в жизни...»

Здесь просматривается тактика преступников привлечь на свою сторону заложников, используя их в собственных интересах, дополнительно воздействуя на лиц, ведущих переговоры. Этот синдром надо иметь в виду как одну из психологических особенностей ведения переговоров с преступниками.

Испытанным приемом получения психологического выигрыша является использование **возможностей рефлексии**, т.е. отрасли знания, рассматривающих интеллектуальные возможности человека, понять другого через включение своего «я» в образ мысли, оценок ситуации, индивидуальных черт личности другого. Понять «изнутри» другого – ход его мыслей, эмоции, страхи и ожидания, уверенность в одном и радость в другом – означает уже известную степень управления поступками другого человека.

«Поставить себя на место преступника» – этот совет содержится во всех рекомендациях по психологическим аспектам ведения диалога с преступниками.

В подавляющем большинстве исследований в области психологии контактного взаимодействия людей берется диада – общение двух человек как методический прием, позволяющий в наиболее полной, конкретной форме познать закономерности отношений, складывающихся между людьми. Действительно диадическое взаимодействие является удобным «полигоном», дающим возможность исследователям детально рассмотреть все нюансы ролевых функций участников диалогов, их связи с социальной средой, заданной ситуацией, разграничением и общностью интересов, индивидуальные особенности каждого.

Но такое ограничение (диада) не отвечает специфике переговоров. Закономерности взаимного воздействия в процессе достижения

взаимоприемлемого поведения здесь более усложнены, во-первых, тем, что переговоры, как правило, ведутся с группами преступников.

На лицо, непосредственно ведущее переговоры от ее имени, «накладывается» психологический фон участников преступной группы (сообщества), который активно контролирует ход складывающихся взаимоотношений, диктует линию поведения, «поправляет» ее, стремясь достигнуть желаемых уступок от противоположной стороны в ходе переговоров.

В случаях, когда переговоры ведутся с одним преступником, со стороны правоохранительных органов также, как правило, выступает не одно лицо. Усложненность их реакции также должна учитываться при рассмотрении тех отношений, которые возникают в процессе общения.

Таким образом, подход к изучению межличностных отношений, возникающих в ходе переговоров с преступниками, на основе диады – отношения двух людей, оказывается не отвечающим в должной мере складывающейся ситуации и характеру общения, фактам реальной действительности переговоров с преступниками. Однако, основные рекомендации психологов, выработанные на основе исследования взаимоотношений в диаде, могут быть использованы и в переговорах.

Л. Б. Филонов, исследуя диаду, выявил шесть стадий, значимых для сближения в условиях затрудненного общения, которые представляют «законченные циклы» формирования отдельных образований у каждого участника взаимодействия. В их основе лежит «частная готовность» пути к «достигающему» воздействию.

Стадии включают:

- накопления согласий;
- поиска совпадающих интересов;
- принятия принципов и свойств личности, предлагаемых для общения;
- выявления характеристик, опасных для общения;

- выявления способов индивидуального воздействия и регуляции поведения;

- выработки общих правил и взаимодействия.

В переговорах с преступниками, как правило, представляющих из себя группу (сообщество), с лицом, непосредственно ведущим диалог от ее имени, можно пройти все указанные стадии, но не достигнуть «выработки общих правил и взаимодействия» из-за корректирующей позиции соучастников, особенно главаря группы, который, предпочитает таиться «в тени», за спиной лица, ведущего переговоры.

Отмеченное различие неизмеримо усложняет процесс формирования «достигающего воздействия», требует выявления дополнительных психологических механизмов положительного влияния не только на лицо, ведущее переговоры, но и на всю группу (сообщество) преступников или на большую, наиболее влиятельную ее часть.

Это требует, прежде всего, основательной проработки вопроса, кто конкретно формирует позицию в переговорах, в какой степени лицо, ведущее переговоры, имеет «полномочия» и «решающий» голос, как проверить, что процесс «достигающего воздействия» находит своих адресатов.

Иными словами, после каждой стадии (по Л. Б. Филонову) надо проверять эффективность осуществляемых мероприятий, вносить «поправочный коэффициент», выходящий за рамки диадических отношений.

Рассмотрим некоторые особенности ведения переговоров с преступной группой.

Преступные группы характеризуются типичными для группы вообще чертами (9, 28):

- устойчивыми межличностными отношениями и сплоченностью ее членов;

- разделением ролей, выполняемых индивидами, входящими в группу;

- наличием лидера, оказывающего влияние на остальных;

- общностью цели, совместной деятельностью внутренней организации;
- психологическим единством группы, выражающемся в субъективном понятии «мы»;

- сплоченности, обусловленной преобладанием силы взаимного притяжения, общими интересами

«Слабым звеном», связывающим членов преступной группы является, *во-первых*, обязательное наличие в ней индивида, или нескольких индивидов, уступающих лидеру, другим участникам в силе характера, степени агрессивности, страдающим «трусостью» в обыденном понимании этого слова.

во-вторых, обязательным наличием чувства взаимного недоверия и подозрительности, усугубленного экстремальностью ситуации,

в-третьих, (если группа больше 2–3 человек) наличием цепи взаимоотношений «двойных притяжений, парных форм», которые позволяют рассчитывать на «разрыв» связей, объединяющих группу.

Отсюда важность диагностирования индивидуальных качеств членов преступной группы, выявление сильных и слабых черт характера, сил отталкивания и притяжения в межличностных отношениях. Весьма своеобразно понятие «взаимных притяжений» в группе преступников, с которыми ведутся переговоры.

Единство целей, к которым стремится группа, оказывается более сильным фактором, чем взаимные симпатии и антипатии. Как правило, основу их составляют *двойки единомышленников* (парная форма), которая выступает в качестве инициатора преступных действий, находя поддержку друг у друга.

Однако было бы ошибкой рассматривать такие группы как нечто целое и неделимое, что уровень их групповой интеграции позволяет говорить о полном единстве в намерениях и поведении участников. Наличие «примкнувших» участников составляет нередко сложные цепи и структуры, которые содержат факторы отталкивания, с вытекающими из них дисгармонией в отношениях, что необходимо использовать в ходе

переговоров. Отсюда принципиальная возможность изменения поведения группы через изменение поведения отдельных ее индивидов, из которых она состоит.

Здесь многое зависит от позиции лидера, склонение его к изменению поведения обычно приводит и к изменению поведения всей группы. Лидер группы обычно испытывает особую подозрительность к соучастникам, которые могут «предать», «заложить».

Это психологическое состояние непременно должно учитываться в целях желательного изменения поведения группы.

Прикладные выводы из теории малых групп, применимые в практике переговоров с преступниками, заключаются в том, что **чем больше по численности преступная группа (сообщество), тем больше и число противоречий среди ее членов, которые можно использовать в ходе диалога.**

Выявление этих противоречий, «слабостей» в структуре составляет самостоятельную задачу, основанную на изучении особенностей личности участников и характера складывающихся между ними взаимоотношений, их индивидуальных интересов. Необходимо выделить среди участников лидера, «главаря» и его ближайшую связь, степень подчиненности и противоречия в интересах участников.

При построении тактики переговоров важно планировать конкретные мероприятия по усилению противоречий, противопоставлению одной части группы против другой.

Практика указывает на высокую эффективность этой тактики, позволяющей иногда «разбить фронт» группы в целях склонения к отказу от противоправного поведения.

Особая затрудненность контактов в условиях переговоров объясняется рядом обстоятельств (29).

Среди них – весьма частое *отсутствие визуального общения*, стороны не видят друг друга, участники переговоров не воспринимают друг друга физически (во время переговоров по радио, телефону, находясь в разных помещениях, путем переписки и т. д.).

Отсюда мощный источник информации – прямое наблюдение за личностью – отсутствует. По косвенным признакам, по речевому потоку, по конструкции фраз, по содержанию высказываний лицо, представляющее правоохранительные органы, может судить о психологическом «самочувствии» другой стороны, в каком направлении идут переговоры: к согласию или к тупику.

Такое положение заставляет обратиться к возможностям психолингвистического анализа, той «словесной агрессии», которая проявляется в речевом потоке преступников.

Одним из «индикаторов», определяющим психическое состояние преступников, является степень преобладания *императивных выражений и слов в их речевом потоке в ходе переговоров*. Поскольку языковой материал, которым пользуются преступники, в значительной степени состоит из жаргонных выражений и нецензурных слов. Именно они составляют главный словесный арсенал «силового» давления.

По наблюдениям, превышение половины от общего числа слов – словами и выражениями, высказанными в императивной форме, свидетельствует о высоком состоянии нервного возбуждения и агрессивности. Заметное увеличение жаргонных и нецензурных выражений, как правило, также свидетельствует о возрастании психической активности.

Снижение – вступление в период более спокойного реагирования на события, включение логических элементов в суждениях, оценках, высказываниях.

Определение психического состояния по указанному показателю довольно проста, она фиксируется субъективным восприятием лица, ведущего переговоры со стороны правоохранительных органов и обычно легко им улавливается в случае устного дебатирования (в том числе по телефону или другим техническим средствам связи), а также личном общении.

Наблюдения показали, что стиль и язык ведения переговоров, образ мышления в ходе диалога, приемлемость тех или иных аргументов во многом зависят от национальных, профессиональных, ведомственных особенностей лиц, ведущих переговоры, их культурного уровня, принадлежности к определенной социальной среде. В каждом случае необходимо учитывать эту специфику, избирая наиболее приемлемые формы и методы переговоров, соответствующую лексику, традиционные ритуалы словесного общения, присущие участникам.

Психолингвистика – перспективное направление в науке, объектом которой является исследование психических процессов, отраженных в речевых проявлениях человека, в особенностях его языка. Диалог участников переговоров с преступниками дает богатый материал для этой науки.

Мышление и речь, как известно, функционируют в единстве, объединяющем восприятие реальной действительности и его образа в сознании человека. Речь в переговорах имеет особое значение, поскольку позволяет передать необходимую информацию другой стороне, вызвать определенные образы, понятия и ассоциации, способствующие выработке согласованного решения.

Многие, кто вел переговоры, отмечают значительный эффект неожиданного для другой стороны *аргумента*. Его поиск во многом зависит от импровизационных возможностей ведущего переговоры, конкретных обстоятельств дела. Затруднительно дать совет на все случаи. Типизируя их, можно сказать, что обычно они касаются обстоятельств, которые противоположная сторона не знает, неизвестная

преступникам информация по существу поднимаемых ими вопросов, появление новых лиц, которые могут оказать заметное влияние на переговоры (авторитетов преступного мира, близких и родных, личных друзей участников переговоров).

При достижении критического уровня эмоционального возбуждения многие практики прибегают к давно оправдавшим себя приемам релаксации (расслабления). На крик – отвечают понижением голоса, юмористической оценкой ситуации. Надо сказать, что, как это не звучит странно, снижение уровня агрессивности довольно легко снимается шуткой, к месту рассказанной историей, анекдотом.

В одном из зарубежных руководств по переговорам сказано: «...Шутка подчас становится моральным оружием в переговорах. Юмором можно подчеркнуть некомпетентность и снизить враждебность, вынудить человека непроизвольно расслабиться, рассеять страхи и ответить на угрозу или – наоборот – намекнуть на угрожающие последствия»...

В начале 80-х годов в институте психологии шведской Академии наук поставили эксперимент: смоделировали «вечеринку с выпивкой».

Группа испытуемых под объективами видеотехники и микрофонами, употребив спиртное, должны были читать предложенные тексты, беседовать. Предполагалось, что в этих условиях люди будут под влиянием алкоголя быстрее и громче говорить. Но оказалось, что эти показатели оказались без особых отклонений от нормы трезвого состояния. Зато это бросилось в глаза при просмотре пленок, резко увеличилось число взаимных «перебиваний» собеседников. Снизилась норма цивилизованного вербального общения. Как известно, одно из проявлений высокой культуры диалога является умение слушать собеседника. Последовательность вступления в разговор определяется сложным комплексом «сигналов», когда завершающий высказывание человек готовится создать паузу в речи. Эти «сигналы» улавливаются другой стороной диалога, который затем вступает в беседу.

В Древнем Риме словом «dixi» (сказал все) ораторы завершали свои речи, подавая сигнал для других участников публичного собрания или судебного процесса. Этим приемом, в частности, упреждалась возможность перебивания (сбоя речи), которое обычно ставит в затруднительное положение того, кто говорит.

Эта разрушительная способность перебивания оказывать негативное психологическое воздействие широко используется преступниками, от которых трудно ждать цивилизованных норм словесного общения.

Перебивка как показатель нежелания выслушивать те или иные доводы, соображения, готовым не потерять избранное направление дебатирования, не «стушеваться», а при необходимости переговорщик и сам может обратиться к этому древнейшему психологическому приему.

Таким образом, методические рекомендации по ведению переговоров могут играть лишь функции ориентиров, исходных позиций.

Их нельзя шаблонизировать, использовать вне зависимости от характера криминальной ситуации и личности преступников. То, что хорошо в одних случаях – неприемлемо в других.

Переговоры с преступниками требуют развития продуктивного мышления переговорщиков, всех, кто становится причастным к этому важному делу, поиска наиболее эффективного пути в достижении цели, творческого решения возникших задач.

В этом случае, как писал известный психолог С. А. Рубинштейн, «мышление в ходе рассуждений добывает новые и новые данные, выходящие за пределы исходных условий и, используя их, приходит ко все новым и новым выводам в силу того, что включая объекты исходных положений во все новые связи, оно как бы поворачивает их каждый раз новой стороной, открывает и как бы черпает из них все новые свойства и отношения».

Непредсказуемость и неповторимость криминальных ситуаций переговоров с преступниками делает недостаточным репродуктивное мышление, которое, лишь повторяет ранее известные способы решения

мыслительных задач, не находя новых подходов с учетом специфики конкретных случаев переговоров.

Стереотипность способов действий в условиях переговоров с преступниками исключает инициативность и гибкость в ходе ведения диалога, которые так необходимы для достижения цели, стоящей перед правоохранительными органами по борьбе с преступностью, укреплению законности и правопорядка, защите жизни, свободы прав и достоинства человека, его культурного наследия, окружающей среды.

Заключение.

Крайнюю опасность для всего человечества представляет такое набирающее в последнее время силу явление, как терроризм, имеющий транснациональную распространенность.

В данном пособии сделана попытка дать психологический анализ возникновения и развития этого явления, описать, его виды, роль субъективных и объективных факторов, влияющих на распространение этого особо опасного вида преступной деятельности.

Обострение террора всегда связано со слабостью государственного аппарата, крупными просчетами в области внешней и внутренней политики, игнорирование этнопсихологических закономерностей, истории. Большое значение имеют профессиональная квалификация специальных служб, использование ими психологических рекомендаций в области борьбы с терроризмом.

Фактором, косвенно способствующим, или блокирующим развитие терроризма является система отношений к этому явлению в различных общественных группах, позиция средств массовой информации.

Появление террора было знаком того, что начался период, когда из-под оболочки цивилизации, прогресса, в общественной жизни стали показываться древнейшие пласты, таящиеся в глубинах человеческой психики.

Главная черта нового террора — **первичность воли к насилию, влечение к смерти**. Обоснование, каким бы правдоподобным оно ни было, оказывается вторичным.

Механизм нового террора заложен в человеке очень глубоко, замаскирован пластами словесных обоснований, ведь *агрессия - это природное качество человека* и здесь важна направленность импульсов, форма их реализации.

Чаще всего дает толчок террористическим действиям чувство безвыходности из той ситуации, в которой оказались какие-то люди, некое

меньшинство, психологический дискомфорт, который побуждает их оценивать свое положение как драматическое. Это может быть меньшинство национальное, или же меньшинство, объединяющееся по каким-то идеологическим убеждениям или религиозным мотивам.

Во всех случаях мотивация схожая: наш народ, наша культура, наш язык, наша вера на грани исчезновения, а поскольку нашим доводам никто не внимлет, остается одно — язык ответного насилия, язык бомб.

Разрабатывая оперативно-розыскные мероприятия, необходимо помнить, что переговоры с преступниками являются одной из форм ненасильственной борьбы, а не панацея от всех бед преступности. Это одно из средств, дополняющее, но не противостоящее иным предусмотренным законом мерам предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений.

Только при таком концептуальном подходе можно с пользой для дела реализовать их возможности, а они немалые в борьбе с преступностью, в разумном разрешении криминальных конфликтов.

В пособии отражены лишь некоторые проблемы переговоров с преступниками, которые ведутся в ряде экстремальных ситуаций.

Остался вне освящения комплекс вопросов, связанных с необходимостью ведения переговоров с представителями преступных сообществ в целях предупреждения расправ над свидетелями, работниками правоохранительных и других государственных органов, деятелями правосудия, «отошедшими» соучастниками и лицами, стремящимися порвать с преступным миром и т.д.

Эта практика, распространенная за рубежом, проводится в ходе «тайных операций», становится в условиях роста организованной преступности актуальной и для нашей страны.

В силу новизны научного подхода к сложным проблемам переговоров с преступниками некоторые положения, обозначенные в пособии, носят дискуссионный характер, возможны и другие варианты решений тактических, психологических и иных задач.

В целом необходимо отметить тот факт, несмотря на то, что терроризм – это сложное, многообразное социально-психологическое явление, имеющее глубокие исторические, этнопсихологические, политические и др. корни, его можно предупредить.

Общество должно выработать правила **противотеррористической гигиены**, охватывающие все стороны жизни - область правоприменения, экономики, сферы образования и воспитания. Необходимо учитывать процессы глобализации, способность террористических организаций действовать на территории многих государств.

Терроризм будет побежден тогда, когда каждый его акт будет приводить к результату, противоположному тому, к чему стремится террорист или организующая террор преступная группа.

Ситуации, сопровождавшиеся захватом заложников

1. В Томской области «брали» рецидивиста, четырежды судимого, захватившего в заложники односельчанку, – рассказывает корреспондент Шальвер Иван. Сотрудник милиции махнул рукой Марьину: «Давай!». И с двух сторон дали длинной автоматной очередью над самой крышей. Иван начал «дипломатические переговоры»:

– Паша, выходи! Тухлое твое дело: некуда податься. Дверь лаконично буркнула огорчительное:

– Не выйду!

– Да что мы маемся? – спросил Марьин. – Дадим сквозь дверь добрую очередь – этот гусь сам к нам выскочит!

– Ой, не стреляйте, Христом-Богом молю! Он сказал, что меня тогда убьет как своего заложника! – закричала Нюрка.

Закончилось тем, что заложница сама выскочила из избы, а преступник покончил жизнь самоубийством.

2. В ИТК-1 УВД Архангельского облисполкома двое заключенных, вооруженных ножами, в медсанчасти напали на медсестру. Закрывшись с ней в помещении, объявили ее заложницей, потребовав от администрации пистолет с патронами. При передаче пистолета в медсанчасть ворвалась группа захвата. Медсестра была убита. Преступники остались живы.

Операция «по спасению» заложницы длилась 20 минут.

Комментарии: с точки зрения заложников принятие решения об освобождении их силой, включая оружие, резко ухудшает их положение: к угрозе лишения их жизни со стороны преступников прибавляется угроза погибнуть от «своих», от чего, разумеется, им становится не легче. Опасность для заложников возводится в квадрат. Образно говоря, они находятся между молотом и наковальней, грозящими прекратить их существование из благих побуждений пресечения преступных действий и сохранения их жизни и здоровья.

Причина того, что жертвы преступлений вынуждены кричать «Не стреляйте, Христом-Богом молю!» объясняется не только низким уровнем осознания неповторимости человеческой жизни, но и распространенной «профессиональной малограмотностью» в

вопросах тактики ведения переговоров с преступниками, недостаточностью знания их технологии.

3. Б. В. Воронов, многие годы руководивший органами внутренних дел в Хабаровском крае, Курганской области, профилактической службой в центральном аппарате МВД.

Наделенный большим педагогическим даром, вдумчивый психолог, он успешно завершал сложнейшие переговоры в критических ситуациях, созданных рецидивистами и другими опасными преступниками в ряде регионов страны.

В Хабаровском СИЗО десять рецидивистов, осужденных к длительным срокам наказания, вооруженные острозаточенным куском кабеля, захватили двух контролеров женщин и затолкали их в камеру, где содержались восемь несовершеннолетних девушек.

«Такого, – говорит Б. В. Воронов, – в моей практике не было: десять оголтелых преступников и десять беззащитных женщин. Почти двое суток непрерывно шли переговоры. У окошечка двери камеры я и заместитель прокурора края. Мой принцип – применять оружие нельзя, даже если есть 99,5 процента на успех операции. Только 100 процентов обеспечения жизни и здоровья жертв. Главное – сохранять присутствие духа, быть терпеливым, обстоятельно разобраться «кто есть кто» среди преступников, в их взаимоотношениях, личностных качествах. Пока мы вели переговоры, а требования у рецидивистов были разные, был собран большой материал, характеризующий лиц, захвативших заложниц, об их полезных связях, родственниках, друзьях. Некоторые из преступников просили пересмотреть их дела. За это взялась краевая прокуратура.

Надо сказать, как показывает опыт, игра в «обман» в подобных ситуациях вещь достаточно опасная. Лично я избегал такой тактики. Убедительно говорить правду – главный путь в переговорах. Нельзя полагать, что лица, захватившие заложников, «глупее» переговорщиков.

Надо обязательно думать «наоборот», тогда психологический выигрыш будет на твоей стороне.

В Хабаровском СИЗО путем тонких тактических комбинаций, выводе по одному соучастнику из камеры для беседы, удалось настроить их против главаря, человека с серьезными психическими отклонениями. Использовался, предупреждая акты насилий над женщинами, старый воровской закон – отрицательного отношения к насилию над женщинами.

В итоге многочасовой психологической подготовки, главаря, расхаживавшего по камере с острозаточенным концом кабеля, стало сдерживать его же окружение. Применение силы было проведено в обстановке, исключая жертвы среди заложников и тех, кто осуществил акт захвата. Эти двое суток запомнились навсегда, хотя были и другие не менее сложные обстоятельства ведения переговоров...».

4. Рассказывает заместитель начальника Тульского УВД Е. И. Камахин: «...трудно передать словами всю напряженность часов, когда в нескольких шагах от тебя жертвы преступления, захваченные преступниками, которые в любой момент могут погибнуть, особенно если это женщины и дети.

В душе борются сложные чувства – неприязни к преступникам, сдерживаемая голосом рассудка, осмотрительность – не ударься в крайности, – бдительность, чтобы не попасться на какой-либо коварный ход «собеседников». И сострадание к захваченным людям: как там они?

Мозг работает с лихорадочной быстротой, высчитывая возможные варианты. Видишь за спиной снайперов, которые смотрят на тебя, ожидая сигнала к действию, общую картину напряженного ожидания.

Время проносится с ошеломляющей быстротой: текут часы, а порой и сутки в калейдоскопе слов, действий, осуществлении тактических комбинаций, проб, а то и промашек. Когда видишь спасенных тобой и твоими товарищами людей, радость переполняет твою душу, особенно когда все живы, в том числе и преступники, когда на полу никто не лежит с огнестрельными ранами, облитый кровью, никому не оказывают

медицинскую помощь, когда дело завершилось спасением людей. Радость переполняет сердце, спадает бремя личной ответственности»...

5. «...Мы, Иванов А. Ф., и Лежнев В. Н., пошли на этот поступок разумно и сознательно, а поэтому все то, что здесь нами написано – изменениям никаким не подлежит. Один экземпляр остается у нас, и мы, в строгом порядке, как сейчас, также и в дальнейшем будет придерживаться ему. В противном случае, жизнь этого человека висит на вашей совести. Малейшее нарушение с Вашей стороны и исход будет плачевный, себя мы так же уничтожим...

Если кто-либо будет беспорядочно вламываться в камеру или появится запах чего-либо, нам станет ясно, что мы с Вами не договорились, и примем соответствующие меры.

Сейчас же, в течение 10 минут, принести 2-а пистолета и 2-е запасные обоймы с боевыми патронами, 2-а бронежилета и одни наручники. Заверяем, что при помощи оружия преступлений не будет. В течение минимум 30, а максимум 40 минут и ни более, подогнать вплотную к дверям (которые находятся возле камеры) машину, марки ГАЗ-24–10 или «Жигули» ВАЗ-2106, 2107, 2109 –двигателем в сторону КПП. Стекла в машине строго затемненные, повторяем – строго затемненные.

На переднем правом сидении лежит дипломат с деньгами, 2-е пачки по 100 рублей, 6 пачек по 50 рублей и 4-е пачки по 25 рублей, а также в дипломате лежат 3 упаковки морфина и 2-а шприца с иглами. На заднем сидении переносная рация с двумя аккумуляторами. На этом же сидении лежат 3 бутылки водки, бинокль 10–12 крат и карта или атлас автомобильных дорог. В 8 часов вечера, со стороны г. Брянска при въезде в г. Смоленск, должен стоять на посту ГАИ вертолет, он будет так же осмотрен нами. После этого, заложник будет сразу же отпущен...».

Комментарии: это наиболее полный «джентльменский набор» условий, которые последние годы выдвигают заключенные, захватывая заложников (нет только требования вылета «за бугор», за границу). Этот «набор» как одно из проявлений «тюремной скуки», недовольства условиями содержания, сложностью отношений в среде

заключенных, почерпнутый из газет, детективных повестей и кинофильмов, стал стереотипом многих опасных акций.

Опросы заключенных, требовавших своего освобождения путем захвата заложников, указывают на то, что многие из них не представляли себе конкретно, что они будут делать, если такую «свободу» получат. Лишь некоторые имеют реальный план выезда в заранее намеченное место жительства, отвечающее требованиям конспирации и возможности обитания в них, не привлекая внимания правоохранительных органов.

Не многие имеют «на воле» и достаточное количество свободных денег, необходимых связей и укрывателей. В основном преобладает мысль: вырваться из этих опостылевших стен, из под охраны, вздохнуть «воздух свободы», а там видно будет. Пан или пропал. Считается, что ночлег они найдут, пропитание обеспечат, «прорвутся» за границу.

Нередко такие суждения носят характер фантазерства, некритической оценки ситуаций, с которыми преступники столкнутся после освобождения заложников и «отрыва» от преследователей – сотрудников органов внутренних дел.

Иллюзорность подобных суждений должна быть предметом обсуждения в ходе переговоров.

В ряде переговоров настойчивое, аргументированное разъяснение того, что «вы от нас никуда не уйдете, не сегодня, так завтра вас задержат и вновь водворят под стражу» – оказывало позитивное влияние.

Желательно иметь соответствующие факты успешного завершения розыска в том регионе, где жили или вели преступную деятельность лица, захватившие заложников, информацию об их связях и возможностях «лечь на дно», пользуясь их терминологией.

Другими словами, тезис о последствиях «свободы», раскрытый в убедительной форме, нередко действует отрезвляюще. «Вы можете бежать, но вам не скрыться» – эту мысль надо повторять постоянно, особенно при получении «грамот», приведенных выше.

Геосейсмическая активность и психология терроризма

При психологическом исследовании такого сложного социального явления, каким является терроризм необходимо с позиций системного подхода исследовать все факторы прямо и косвенно влияющие на возникновение и развитие этого явления.

В частности, актуальными представляются результаты исследований влияния сейсмической активности на психику людей.

Усиление сейсмогеодинамической активности приводит на уровне подсознания к трансформации в психике людей, находящихся над геопатогенными зонами. Последнее, в свою очередь, снижает способность людей адекватно реагировать как на внешние воздействия, так и на воздействия окружающих.

При совпадении с некоторыми другими условиями такое напряжение может оказаться «спусковым механизмом» социальных волнений и потрясений, вплоть до возникновения войн и столкновений.

Примером может служить система активных разломов в зоне сочленения литосферных плит Альпийско-Гималайского пояса, протяженностью около 10000 километров и шириной в 100-300 километров.

Все наиболее крупные конфликты, происходящие в Евразии за последние 20 лет, приурочены именно к нему: Страна Басков в Испании, Албания, Косово, Босния, Югославия, Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия, Чечня, Нагорный Карабах, Таджикистан и Афганистан, Ирак, Джамму и Кашмир, Камбоджа и Вьетнам.

Феномен воздействия геопатогенных зон на общественные процессы выявлен совсем недавно и требует дальнейшего своего рассмотрения.

СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ

Россия была отнюдь и далеко не первой страной, пораженной странной болезнью под названием «стокгольмский синдром». Мир узнал о ней гораздо раньше нас.

Все начиналось довольно прозаично. В 10 часов 15 минут утра 23 августа 1973 года в помещение Sveriges Kreditbank (Швеция) вошел средних лет и приличной наружности человек. На нем были длинный плащ, темные очки и пышный парик.

Впоследствии оказалось, что человека звали Ян Эрик Олсон и был он беглым преступником, которого шведская полиция неспешно (преступник не считался особо опасным) разыскивала уже полгода.

Вошедший вытащил из-под плаща короткоствольный автомат, дал очередь в воздух и крикнул перепуганным служащим почему-то по-английски: «Ну что, наша вечеринка начинается!»

Нельзя сказать, что для Швеции начала семидесятых это было такое уж из ряда вон выходящее событие. Банки здесь, как и в Швейцарии, грабили часто. Но на этот раз грабителя явно не удовлетворяла сумма в сто тысяч крон, которые он мог взять сразу. Ему требовалось значительно больше.

Решение созрело быстро: объявив находящихся у него под прицелом людей заложниками, он потребовал от правительства выдать ему наличными в старых купюрах три миллиона шведских крон (что-то около двух миллионов долларов), оружие, бронежилет, скоростной автомобиль и, чтобы два раза не обращаться, освободить и доставить сюда же в банк бывшего своего соседа по камере Кларка Олофсона. В противном случае Я.Э. Олсон пригрозил, что жизнь заложников не будет слишком длинной и патронов у него хватит на всех.

Заложников звали Бригитта Лундблад, Кристин Энмарк, Элизабет Олдгрен и Свен Сафстром, и все они были служащими банка. Плюс один старик, пришедший в банк получить пенсию.

Полиция сработала на удивление оперативно и энергично. Причина такой энергичности выяснилась чуть позже. Уже спустя несколько минут после обращения Я. Олсона здание было оцеплено, а двое полицейских попытались штурмом овладеть банком.

Однако и Я. Олсон шутить не собирался: он открыл огонь по нападавшим и ранил одного из полицейских, второму Я. Олсон приказал сесть в центре зала на кресло и петь песню.

Полицейский сел и затянул «Одинокого ковбоя». Такого издевательства не смог выдержать пленный пенсионер. Он потребовал от Я. Олсона прекратить зверство и отпустить стража порядка. Преступник был настолько удивлен смелостью старика, что отпустил его вместе с полицейским.

После этого захватчик вместе с заложниками перебрались в бронированное помещение хранилища банка размером 3x14 метров, где они провели 131 час. Правительству же не оставалось ничего другого, как вступить в переговоры с террористом.

Первым было выполнено последнее требование захватчика: уже вечером в банк был доставлен несколько озадаченный таким странным освобождением Кларк. А вот с другими возникли сложности.

На самом деле сложностей было несколько больше. Совершая захват, Я. Олсон не учел несколько важных факторов. Тут все сошлось, как в классической пьесе, где главное - это единство места, времени и действия.

Во-первых, место. Sveriges Kredit- bank был банком, в котором хранилась зарплата полицейских. Выплата должна была состояться буквально на днях, и любые проволочки воспринимались стражами порядка как злостный саботаж. Именно поэтому обычно спокойные шведские копы в данном случае действовали с утроенной энергией: за свои деньги они были готовы биться насмерть.

Во-вторых, время. Приди Я. Олсон в банк на месяц позже, возможно, все пошло бы по-другому. Но время было выбрано явно неудачно. Через три недели должны были состояться выборы премьер-министра страны, и поэтому

действующему премьеру Улофу Пальме, надевавшемуся продлить свой срок еще на несколько лет, победа над террористом была нужна, как воздух.

Если бы он поддался на требования захватчика, его политические соперники, безусловно, сыграли бы на этом факте, обвинив премьера в бесхребетности и потакательстве преступникам, и тогда выборы можно было смело считать проигранными. А победа, даже если она будет достигнута ценою четырех жизней, все равно останется победой. В верхах было принято решение - ни на какие уступки террористам не идти, а готовиться к штурму.

В-третьих, действие. В это время, совсем рядом с банком в королевском дворце, умирал король Швеции Густав Адольф VI. В ожидании смерти монарха у ограды дворца скопилось великое множество журналистов. Однако процесс затянулся. Король умирал долго, и заждавшимся репортерам необходимо было хоть какое-нибудь событие.

Поэтому, когда выяснилось, что неподалеку происходит что-то интересное, журналисты со своими камерами, фотоаппаратами и диктофонами быстро переметнулись к стянутому у банка полицейскому кордону. И история, которую правительство хотело замолчать или спустить на тормозах, неожиданно получила широкую огласку и вызвала небывалый общественный резонанс.

Сообщения о драме с четырьмя заложниками шли по всем каналам, их транслировали на весь мир. В эфире только и слышно было, что о трагедии в банке. Телекомпании, стараясь перещеголять друг друга, объявляли среди телезрителей конкурсы на то, кто из них предложит лучший проект по спасению заложников.

Среди предложений наибольшей оригинальностью отличались три:

- через вентиляционное отверстие заполнить помещение шариками для пинг-понга, обездвигив, таким образом, грабителя;
- запустить через него же в хранилище рой пчел;
- и последнее - выставить вокруг банка надувные чучела полицейских, чтобы бандит потратил на них все патроны.

Между тем заложники сидели в хранилище и наблюдали за всем творящимся по маленькому телевизору.

Я. Олсон продолжал угрожать правительству. «Смерть заложников будет не простой, она будет страшной», - говорил он. В доказательство этого он надел на шею всем четверым проволочные петли и привязал их к ручкам сейфов хранилища.

Однако на правительство и на полицию эти угрозы действовали слабо. Личные телефонные переговоры премьера и Я. Олсона ни к чему хорошему не привели. «Он не горит желанием вас освободить», - заявил последний своим пленникам.

Уже на следующий день Улофу Пальме позвонила одна из заложниц, а именно Кристин Энмарк. «Я очень разочарована в тебе, Пальме, - заявила она. - Всю жизнь я была социал-демократом, но теперь я вижу, что ты играешь в шахматы на наши жизни. Я не боюсь захвативших, ни капельки не боюсь. Позволь нам уехать, всем нам вместе».

Эксперты по голосу определили, что женщина говорила совершенно искренне.

На третий день полицейские пробурили в потолке хранилища дырку. Причем официально это было сделано под благовидным предлогом: через нее предполагалось опускать в комнату пищу для заложников и захватчика.

Настоящей же целью было увидеть точно, живы ли заложники, в каком состоянии они находятся и как серьезно в действительности настроен Я. Олсон (К. Олофсон вел себя довольно мирно и особо не выделялся).

На пятые сутки террористам подали несколько бутылок с пивом, в котором было растворено снотворное, однако Я. Олсон вовремя разгадал хитрость, заметив, что бутылки были закрыты неплотно. «Если еще такое повторится, я убью этих тварей», - кричал он после этого в дырку, а затем схватил одну из заложниц и стал ее душить так, что та захрипела: «Не убивайте нас, выпустите нас».

Причем обращалась она отнюдь не к бандиту, а к следившим за этим через дырку в потолке полицейским.

В конце концов, на шестой день полиция пустила в помещение газ. Только не усыпляющий, а слезоточивый. Вскоре после этого преступники заявили о том, что они сдаются и готовы выпустить заложников и отдаться в руки властей.

Но тут случилось самое невероятное: *заложники отказались выходить из здания первыми, заявив, что они опасаются за жизнь Я. Олсона и К. Олофсона*. За шесть суток, проведенных вместе с преступниками в одной комнате, они так привыкли к ним, что ощущали их уже скорее не как угрозу, а как защитников.

В первом же своем интервью все бывшие заложники как один заявили, что ни Я. Олсон, ни К. Олофсон ничего плохого им не сделали, и они их совсем не боялись, а боялись только полицейских. Более того, сбросившись, они наняли преступному дуэту хороших адвокатов, стараниями которых с К. Олофсона все обвинения были сняты.

Я. Олсона «отмазать» не получилось, и он получил десять лет лишения свободы, из которых отсидел восемь.

Из четверых бывших заложников двое продолжили работать в банковском бизнесе, один переквалифицировался в психотерапевта и лечил клиентов от последствий стресса. Четвертый сменил фамилию и тщательно скрывался от прессы.

У истории есть еще одно действующее лицо. Это криминалист Нильс Бейерот, который и ввел в обиход термин «стокгольмский синдром». Термин, который, к сожалению, дошел и до нашей страны.

Таким образом, «стокгольмский синдром» — *дружба заложников с захватчиком* — психологическое состояние, возникающее при захвате заложников, когда заложники начинают симпатизировать захватчикам или даже отождествлять себя с ними.

ЧЕРНЫЙ СПИСОК.
Хроника объявленной смерти

21 мая 1991 г. - в городе Шриперумбудур был убит бывший премьер-министр *Индии Раджив Ганди*. Теракт совершила девушка, у которой под сари находилось взрывное устройство.

6 апреля 1994 г. - в городе Афула (Израиль) был взорван рейсовый автобус. Погибли 8 человек (в том числе и шофер-камикадзе), более 50 человек были ранены.

9 апреля 1995 г. - у поселения Кфар-Даром (сектор Газа) палестинец-камикадзе на легковом автомобиле при обгоне рейсового автобуса взорвал его. Шесть пассажиров погибли и около 40 получили ранения.

4 марта 1996 г. - в Тель-Авиве в районе торгового центра камикадзе привел в действие взрывное устройство. Убиты 13 человек, ранены 105.

5 января 2000 г. - у входа в приемную премьер-министра Шри-Ланки Сиримаво Бандаранаике террористкой-самоубийцей был произведен мощный взрыв. Убиты 12 человек, около 20 ранены.

11 сентября 2001 г. - в Нью-Йорке (США) два самолета, захваченных террористами, врезались в башни Всемирного торгового центра. Еще один самолет рухнул на здание Пентагона в Вашингтоне. Четвертый захваченный самолет разбился в Пенсильвании. Погибли более 3 тысяч человек.

5 июня 2002 г. - на шоссе между городами Афула и Хадера (Израиль) террорист-смертник взорвал себя в начиненном взрывчаткой автомобиле рядом с автобусом. 15 человек, включая камикадзе, погибли и около 60 ранены. Ответственность за взрыв не взяла на себя ни одна из экстремистских организаций.

26 октября 2002 – теракт на Дубровке (Москва) – террористы захватили здание, где проходил мюзикл «Норд-Ост». Официальный список погибших заложников включает – россиян 121 человек, иностранцев 8.

1 сентября 2004 – захват школы в Беслане (Северная Осетия). В заложниках оказалось 1181 человек, включая детей, их родителей и педагогов. Погибло 323 человека, из них 156 детей, более 700 человек получили ранения.

26 октября 2007 г. Гольяшти – террорист-смертник взорвал микроавтобус с пассажирами. Погибло 8 человек, более 40 получили ранения.

9 декабря 2007 – взрыв автобуса в Невинномысске (Северный Кавказ). Погибло 2 человека, пострадало 9 человек.

27 декабря 2007 – теракт в Пакистане. В результате взрыва, произведенного террористом-смертником, погибла Беназир Бхутто, бывший премьер-министр, лидер пакистанской оппозиции. Погибло 25 человек, более 40 раненых.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонян Ю.М. Этнорелигиозный терроризм / Ю.М. Антонян. – М., 2006
2. Антонян Ю.М. Исследование апокалипсиса / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2005
3. Антонян Ю.М. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения / Ю.М. Антонян. – М.: Щит, 2004
4. Антонян Ю.М. Захват заложников / Ю.М. Антонян (и др.). – М. 2002
5. Антонян Ю.М. Личность преступника / Ю.М. Антонян. – М.: Юридический центр Пресс, 2003
6. Антонян Ю.М. Насильственная преступность в России / Ю.М. Антонян. – М., 2002
7. Антонян Ю.М. Терроризм сегодня / Ю.М. Антонян. – М.: 2000
8. Андреев Н.В. Психологическое обеспечение переговорной деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях / Н.В. Андреев. - М.: Академия управления МВД РФ, 1997
9. Андреев Н.В. Тренинг по переговорной деятельности / Н.В. Андреев Н.В.. - М.: ГУК МВД РФ, 1997
10. Антонян Ю.М. Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI / Ю.М. Антонян. - М., 2000
11. Антонян Ю.М. Насилия. Человек. Общество / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2001
12. Антонян Ю.М. Преступная жестокость / Ю.М. Антонян. – М., 1994
13. Антонян Ю.М. Преступное поведение и психические аномалии / Ю.М. Антонян. – М., Наука, 1997
14. Антонян Ю.М. Психология преступления и наказания / Ю.М. Антонян. – М.: 2001.
15. Антонян Ю.М. Психология убийства / Ю.М. Антонян. – М.: Юрист, 1997

16. Антонян Ю.М. Серийные сексуальные преступления / Ю.М. Антонян. – М. 2000
17. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю.М. Антонян. – М., 1998
18. Антонян Ю.М. Убийство ради убийства / Ю. М. Антонян. – М.: Щит-М, 1998.
19. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследование преступлений / Ю. М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. – М., 1996.
20. Бэрн Р. Агрессия / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – СПб., 1997
21. Васильев В. Л. Юридическая психология / В.Л. Васильев.- М., 1991.
22. Джеймс Х. Самоубийство и душа / Х. Джеймс. - М., 2004
23. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения / Е.В. Змановская. – М., 2007
24. Змановская Е.В. Психология девиантного поведения: структурно-динамический подход / Е.В. Змановская. – СПб., 2005
25. Кернберг О.Ф. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях / О.Ф. Кернберг. – М., 1998
26. Котенев И.О. Психологическая диагностика постстрессовых состояний у сотрудников органов внутренних дел / И.О. Котенев. - М.: ГУК. МВД РФ, 1997
27. Материалы Международной конференции «Серийные убийства и социальная агрессия: что нас ожидает в XXI веке?». - Ростов-на-Дону, 2001
28. Ольшанский Д.В. Психология терроризма / Д.В. Ольшанский. – СПб., 2002
29. Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко. – М., 2001

30. Психологическое обеспечение специальных операций органов внутренних дел по освобождению заложников: метод, рекомендации. - М.: МЦ при ГУК МВД РФ, 1995. - С. 12-18.
31. Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика: учебное пособие для вузов / А.М. Столяренко. – М., 2002
32. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М., 1997.
33. Фромм Э. Здоровое общество / Э. Фромм // Психоанализ и культура. – М, 1995.
34. Илларионов В.П. Переговоры с преступниками / В.П. Илларионов. – М., 1993

Учебное пособие

Психология терроризма

Составитель: **Кузнецова** Наталья Михайловна, кандидат психологических наук

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 0440 от 22.12.06 г.

Подписано в печать _____ г. Формат 60x90¹/₁₆.
Учет.изд.л. _____. Тираж _____ экз. Заказ № _____.

Орловский юридический институт МВД РФ.
302027, Орел, Игнатова, 2.